

An underwater scene with a large, ancient stone structure on the left. A shark is swimming in the foreground, and other fish are visible in the background. Sunlight rays penetrate the water from the upper right.

ТУР ХЕЙЕРДАЛ

АКУ
АКУ

ТАЙНА ОСТРОВА ПАСХИ

ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Дневник путешественника

Тур Хейердал

Аку-аку. Тайна острова Пасхи

«Издательство АСТ»

1957

УДК 910.4
ББК 26.89(0)

Хейердал Т.

Аку-аку. Тайна острова Пасхи / Т. Хейердал — «Издательство АСТ», 1957 — (Дневник путешественника)

ISBN 978-5-17-158764-2

Каменные статуи на острове Пасхи веками завораживали всех, кто их видел. Но как на почти безлюдном острове оказались каменные гиганты? Почему они стоят, отвернувшись от всемогущего океана, и смотрят вглубь островных вулканов? Бесстрашный норвежский исследователь Тур Хейердал (1914–2002) берется разгадать эти загадки. Он снаряжает экспедицию на остров, на котором живут потомки длинноухих. Конечно, поначалу у него нет даже аку-аку, как у всякого разумного длинноухого. Но предстоящее путешествие восполнит этот пробел. Тур Хейердал узнает множество легенд и поверий, столкнется с таинственными силами и найдет ответы на все свои вопросы. Когда же, перед отплытием домой, путешественник обратится к вождю местного племени с вопросом, почему тот, не поведал все это раньше другим европейцам, прибывающим на остров, вождь ответит: «А раньше меня никто об этом не спрашивал». В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 910.4
ББК 26.89(0)

ISBN 978-5-17-158764-2

© Хейердал Т., 1957
© Издательство АСТ, 1957

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	28
Глава четвертая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Тур Хейердал

Аку-аку. Тайна острова Пасхи

Печатается с разрешения Gyldendal Norsk Forlag AS

Все права защищены.

Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Thor Heyerdahl

AKU-AKU: *Påskeøyas hemmelighet*

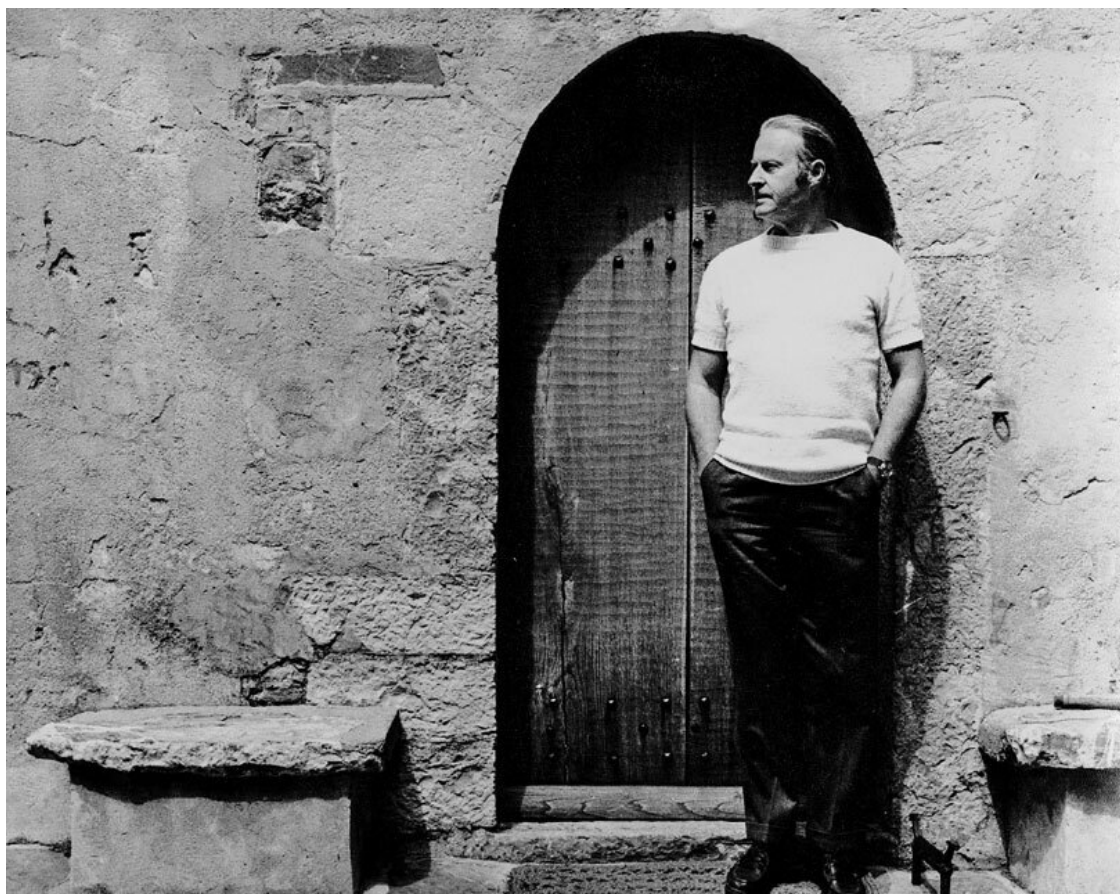
ISBN 978-5-17-158764-2 © Gyldendal Norsk Forlag AS, 1957

© Л. Л. Жданов, наследники, перевод на русский язык, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава первая

Когда детективы собираются на край света

Тур Хейердал

У меня не было аку-аку. А если бы и был? Все равно ведь я не знал, что это такое, так что вряд ли смог бы им воспользоваться.

На острове Пасхи у каждого разумного человека есть аку-аку, там и у меня появился свой аку-аку. Но сейчас я еще только готовил путешествие на остров Пасхи, и у меня его не было. Может быть, поэтому было так сложно собраться. Вернуться домой оказалось гораздо легче.

Во всем мире нет второго обитаемого уголка, такого же уединенного, как остров Пасхи. Ближайшая суша, которую видят его жители, на небе: луна и планеты. Им надо ехать дальше, чем кому-либо, чтобы убедиться, что на самом деле суша гораздо ближе. Вот откуда их интерес к звездам, вот почему они знают названия звезд лучше, чем названия городов и стран в нашем собственном мире.

На этом далеком острове, лежащем за тридевять земель, люди издавна были поглощены одной из своих самых странных затей. Какой народ – никому неизвестно. И никто не знает – зачем. Ведь это было еще до того, как Колумб доплыл до Америки и открыл европейским исследователям ворота в огромный неизведанный Тихий океан. Когда наши предки еще думали, что мир кончается у Гибралтара, жили на свете отважные мореплаватели, которые знали истину. Опередив свой век, они бороздили неведомые волны, необозримый океанский простор вдоль иссушенного солнцем западного побережья Южной Америки. Далеко в океане они нашли сушу, самый уединенный островок в мире. Сойдя на берег, они заточили свои

каменные рубила и принялись осуществлять один из самых удивительных инженерных замыслов прошлого. Они не строили ни замков, ни дворцов, ни плотин, ни причалов. Они вытесывали из камня исполинские человекоподобные фигуры, высокие, как дом, тяжелые, как вагон, перетаскивали множество их через горы и долины и устанавливали на мощных каменных террасах во всех концах острова.

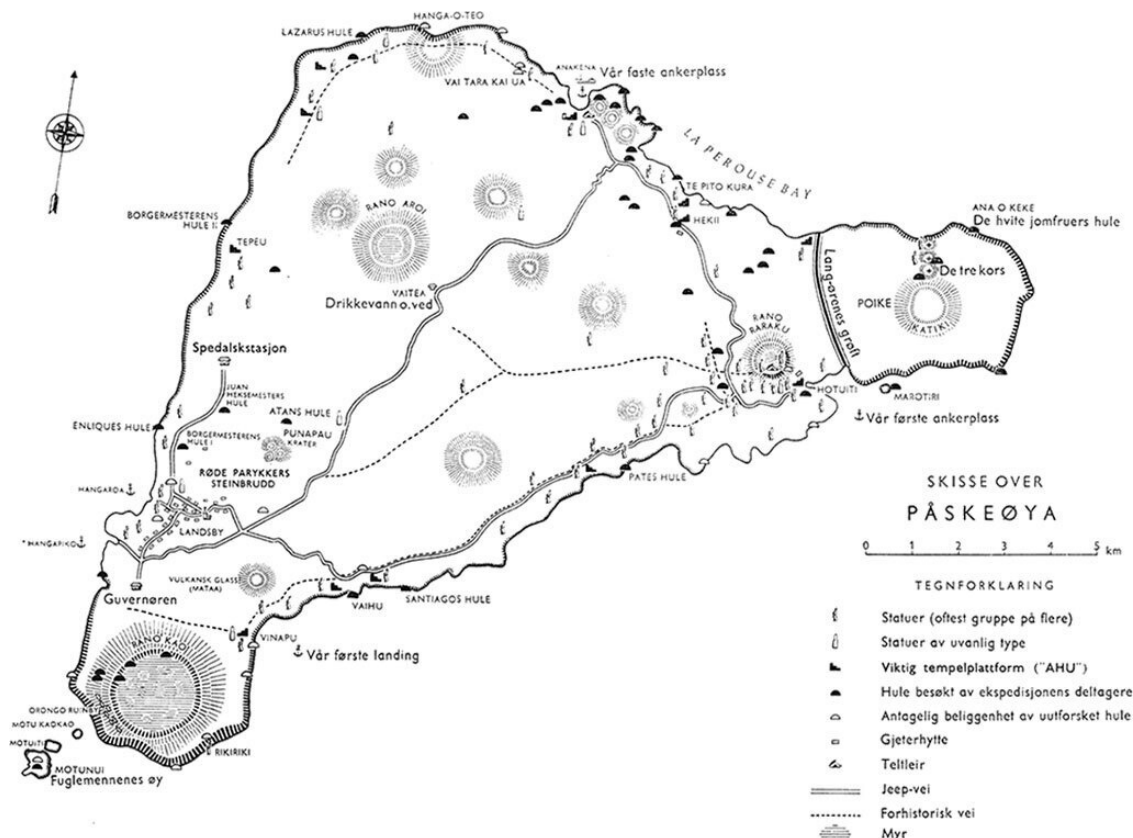
Как они с этим справлялись задолго до эры техники? Никто не знает. Во всяком случае, статуи заняли свои места, как было задумано, чуть не подпирая головой небосвод, а народ – пал. Жители острова хоронили своих мертвых у ног созданных ими же истуканов. Воздвигали изваяния и погребали себя. Но однажды стук рубил о камень смолк. Смолк внезапно, ведь орудия остались лежать на местах, и многие статуи были готовы только наполовину. Загадочные ваятели канули во мрак забытого прошлого. Что же произошло? Да, что произошло на острове Пасхи?

В тысячный раз, навалившись на письменный стол, я скользил взглядом по огромной карте Тихого океана, обманчивому листу бумаги, где большие буквы обозначают маленькие острова и где с линейкой одинаково легко идешь по течению и против него. Я уже немного познакомился с этим океаном. Вот здесь, южнее экватора, в диких долинах Маркизского архипелага, я прожил год на туземный лад и научился видеть природу глазами полинезийца. Здесь же я впервые услышал рассказы старого Теи Тетуа о человекобоге Тики. А еще южнее, на островах Общества, под пальмами Таити я слушал уроки великого вождя Териериоо. Он стал моим названным отцом и научил меня почитать его расу как свою. А вот тут, на коралловом рифе в архипелаге, мы высадились с плота «Кон-Тики», убедившись, что могучий океан прилежно трудится, катит волны от Южной Америки сюда, к этим далеким островам. Ведь как ни далеки эти острова, все они были достигаемы для бальсовых плотов, которые мастерили древние индейцы – инки.

Или взять Галапагосские острова с их сухими кактусовыми лесами. С ними тоже у меня связаны примечательные воспоминания. Наш «Кон-Тики» чуть не отнесло туда, поэтому позже я отправился с экспедицией на Галапагос, чтобы посмотреть, какие тайны есть у этого заброшенного архипелага. В сказочном мире, среди огромных ящериц и самых больших черепах на свете, вместе со своими товарищами я подобрал в куче старого мусора под кактусами осколки лампы Аладдина.

Стоило только потерять эти грязные черепки, и на восточном горизонте показались широкие паруса. То плыли могущественные предшественники инков, на своих плотах они от берега Южной Америки вышли в бурный океан. Один, два, много раз выходили они в море и карабкались на безводные утесы Галапагосских островов. Здесь они устраивали лагерь и, случалось, били глиняные кувшины, необычные кувшины, каких не лепил больше никто в мире. Черепки этих самых кувшинов мы и откопали на древних стоянках. Это они играли роль лампы Аладдина. В них отражались подвиги смелых мореходов, они бросали луч света в кромешный мрак прошлого.

До нас на Галапагосе не работали археологи, оттого никто и не находил ничего. Мы первыми поверили, что индейцы так далеко выходили в море, потому и отправились искать. Вместе с археологами Ридом и Шёльсволдом я раскопал больше двух тысяч старинных черепков от ста тридцати кувшинов. В Вашингтоне специалисты изучили эти осколки, как детективы изучают отпечатки пальцев, и определили, что за тысячу лет до того, как Колумб проложил путь в Америку, предшественники инков отворили ворота Тихого океана и много раз ходили на далекий Галапагосский архипелаг.

Путь экспедиции

Это были древнейшие из найденных прежде следов человека на океанических островах Тихого океана. Они показывали, что до заселения Полинезии, до походов викингов в Исландию представители древних культур Южной Америки начали исследовать Тихий океан и осваивали острова, лежащие так же далеко от их родных берегов, как Исландия от Норвегии. Здесь они ловили рыбу, сажали свой южноамериканский хлопок и оставили многочисленные следы на стоянках, прежде чем уйти с негостеприимных островов к неизвестной нам цели.

От Галапагоса все то же могучее океанское течение, быстрее и во сто крат шире, чем Амазонка, устремляется дальше и через несколько недель достигает островов Полинезии.

На карте посреди этого течения была помечена безымянная точка, рядом – вопросительный знак. Земля? Мы прошли на «Кон-Тики» через эту точку и убедились, что здесь попросту происходит завихрение струй. Зато далеко на юге, куда отклоняются крайние южные ветви течения, на карте показана другая точка, у которой есть имя – остров Пасхи. Там я еще не бывал и туда теперь собирался. Прежде я только дивился, как люди прошлого проникли в этот пустынный уголок. Теперь меня заботило другое – как самому туда попасть. Что толку искать ответа на вопрос, как путешествовали люди каменного века, коли тебе не под силу решить собственные путевые проблемы.

Когда «Кон-Тики» несло течением далеко на север от Пасхи, мы сидели на палубе при луне и говорили о загадках острова. И была у меня заветная мечта когда-нибудь вернуться в эту область и сойти на берег этого уединенного клочка земли. Теперь я пытался осуществить мечту.

Остров Пасхи принадлежит Чили. Только раз в год сюда приходит военный корабль с припасами для островитян, затем он возвращается в Чили, а туда так же далеко, как из Испании до Канады. Других связей с внешним миром у острова нет.

Но военный корабль меня не устраивал. Исследовать остров Пасхи за неделю, пока стоит судно, – пустая затея. Остаться на острове целый год в обществе нетерпеливых ученых

мужей, если они уже через месяц заключат, что тут больше делать нечего, мне тоже не улыбалось. Можно, конечно, идти туда по течению из Южной Америки на бальсовом плоту, но удастся ли мне подбить на это археологов? А без них нет смысла изучать остров Пасхи. Значит, нужен собственный корабль, какое-нибудь экспедиционное судно. Но на Пасхи нет ни гавани, ни пристани, ни надежной якорной стоянки, негде запастись горючим и пресной водой. Значит, судно должно быть достаточно большим, чтобы взять горючее и воду на весь путь туда и обратно, да и там не стоять же ему на месте все время. А вдруг археологи через две недели заявят, что искать нечего? Тогда мне будет мало радости от собственного судна, если только мы не воспользуемся им, чтобы посетить другие малоизученные острова.

Кстати, на востоке Полинезии таких островов хватает. В той самой части Тихого океана, куда доходит океанское течение со стороны Галапагоса и Южной Америки, археологов ожидало множество интересных островов.

Когда речь идет о далеких плаваниях, я всегда иду за советом к Томасу и Вильгельму. Как-то раз (до тех пор мои замыслы еще были тайной) мы сидели вместе в уютной старой конторе паровой компании «Фред Ульсен», в портовой части Осло. Томас сразу, едва я вошел, почуял, в чем дело, и поставил на стол между нами огромный глобус. Я повернул земной шар так, что было видно почти сплошную синеву. Это бывает только при одном положении глобуса: когда перед вами южная часть Великого океана, а Америка, Азия и Европа скрыты на обратной стороне. Я показал на остров Пасхи.

– Сюда, – сказал я. – Но как?

Два дня спустя мы снова расселись вокруг глобуса, и Вильгельм показал свои расчеты.

– Лучше всего тебе подошел бы теплоход длиной примерно в сто пятьдесят футов, развивающий скорость до двенадцати узлов и способный взять пятьдесят тонн воды и сто тридцать тонн нефти.

Я ни капли не сомневался в его правоте. Жизнь научила меня полагаться на подсчеты Вильгельма, ведь он помог мне рассчитать дрейф «Кон-Тики» с точностью до одного дня; не его вина, что мы не сумели подать конец на берег Фангатау.

Через несколько дней Вильгельм позвонил мне по телефону. Рыбоконсервная фабрика в Ставангере предлагала подходящий траулер. Сейчас он занят на лове рыбы в гринландских водах, но с сентября я могу его арендовать на год.

Я посмотрел на календарь. Апрель месяц, до сентября меньше полугода. А мне предлагают, так сказать, «голое» судно – без команды, без оборудования.

Мой личный опыт кораблевождения не шел дальше плавания на плоту. Остальные участники экспедиции «Кон-Тики» тоже не могли составить команду настоящего судна, для этого требовались всякие свидетельства и удостоверения, с инкским плотом все было проще.

– Наша контора поможет тебе со всеми морскими проблемами, – сказал Томас.

И вот уже я сижу за большим зеленым столом, совещаюсь с судовым инспектором, уполномоченным по найму, уполномоченным по снабжению, уполномоченным по страхованию и прочими специалистами. Все вышло честь по чести. До отплытия оставалось неполных четыре месяца, и мне казалось, что я уже слышу голодный, нетерпеливый вой большого теплохода, ожидающего на старте в Ставангере без единой искорки жизни в трубе, без людей на мостике, с огромными трюмами, где голые шпангоуты, точно ребра, угрюмо облекают пустое чрево корабля.

Когда собираешься с семьей на дачу, хлопот хватает. Так представьте себе, сколько всего надо помнить, если кроме семьи везешь с собой пятерых археологов, врача, фотографа и пятнадцать моряков, да еще у тебя на руках судно с запасными частями, специальное оборудование и провиант на всю компанию на целый год. Когда чувствуешь себя дирижером, который, стоя босиком на муравейнике, уписывает макароны и в то же время штурмует вместе с оркестром «Венгерскую рапсодию» Листа.

На письменном столе и вокруг него царил невероятный сумбур – паспорта, свидетельства, лицензии, фотографии, бандероли, письма... Мебель исчезла под грудой морских карт, таблиц и всевозможных образцов. Постепенно хаос охватил весь дом. Телефон и дверной звонок дребезжали в один голос, поминутно приходилось карабкаться через ящики, свертки и узлы с полевым снаряжением.

В полном отчаянии сидел я на магнитофоне с бутербродом в руках и телефоном на коленях, пытаясь набрать нужный номер. Но сегодня это было почти невозможно, я только что дал объявление, что ищу первого штурмана для плавания в Южные моря, и провод работал без передышки. Капитана я уже подобрал.

Наконец мне удалось дозвониться.

– Мне бы три тонны зубоврачебного гипса, – сказал я.

– Что, зубы болят? – сухо осведомился мой собеседник, один из столичных оптовиков.

Нас прервала междугородная, прежде чем я объяснил, что гипс нужен для слепка пасхальской статуи, а не для новой челюсти.

– Алло, – говорил уже новый голос, из Ставангера, – алло, докладывает Ульсен, ваш машинист, коленчатый вал износился, что будем делать – ремонтировать его или заказывать новый?

– Коленчатый вал?... – произнес я.

Д-р-р-р! Это уже дверной звонок.

– Спросите Реффа, – крикнул я в телефон, – это по его части!

В дверь протиснулась Ивонн, вся обвешанная свертками.

– Я проверила список стюарда, – сообщила она, – и срезала перец и корицу на два кило, а еще доктор Семб сообщил, что мы можем получить в пользование походную аптечку.

– Чудесно, – отозвался я и вспомнил оптовика, который решил, что гипс нужен мне для челюстей.

– Позвони ты туда, – попросил я Ивонн и протянул ей трубку. В эту самую минуту к нам кто-то прорвался.

– Это какая-то ошибка, – повернулась она ко мне. – Фирма «Мюстад» спрашивает, куда доставить восемьдесят четыре килограмма разных рыболовных крючков. Но ведь мы везем с собой две тонны мороженой говядины?!

– Это не для рыбной ловли, – объяснил я. – Крючками мы будем платить островитянам на раскопках. Ты ведь не думаешь, что мы везем километр пестрых тканей себе для нарядов?

Ивонн этого не думала. Зато она знала другое: механик только что прислал телеграфный отказ. Его жена решительно воспротивилась, узнав, что речь идет о Южных морях.

В три прыжка я очутился у мусорного ящика, но вернулся обескураженный. Ящик был пуст.

– Что ты там искал? – спросила Ивонн.

– Заявления других механиков, – пролепетал я.

– А-а... – Ивонн меня понимала.

Телефон и дверной звонок зазвонили разом. Ввалился экспедиционный аквалангист с двумя товарищами и охапкой ластов и дыхательных трубок. Они пришли показать, какая разница между французским и американским легководолазным снаряжением.

Позади них, вертя в руках шляпу, стоял странный человечек. Он хотел сказать мне по секрету что-то очень важное. Я не решился пустить его дальше коридора.

– Вы видели статуи на острове Пасхи? – прошептал он, оглядываясь по сторонам: не подслушивает ли кто-нибудь.

– Нет, я как раз собираюсь туда, чтобы посмотреть на них.

Он поднял вверх длинный указательный палец и продолжал с хитрой улыбкой:

– В них сидит внутри человек.

– Человек, в них?

– Я ничего не понял.

– Вот именно. – Шепот стал еще таинственнее. – Король.

– А как же он попал внутрь? – поинтересовался я, медленно, мягко оттесняя гостя к двери.

– Они его туда засунули. Совсем как в пирамидах. Разбейте одну статую и увидите.

Он кивнул, улыбаясь, и учтиво приподнял шляпу, а я сказал спасибо за совет и с легким замешательством закрыл за ним дверь.

Я уже начал привыкать к тому, что слова «остров Пасхи» привлекают чудаков. Стоило газетам написать про мои планы, как по почте посыпались самые удивительные предложения. Чуть не каждый день с разных концов света мне сообщали, что остров Пасхи – последний остаток затонувшего материка, своего рода тихоокеанская Атлантида. Дескать, ключ к тайне надо искать на дне океана вокруг острова, а не на суше.

Нашелся даже один мудрец, который предложил мне отменить экспедицию. «Ехать в такую даль – только время терять, – писал он. – С помощью вибраций можно решить всю проблему, не выходя из своего кабинета. Пришлите мне снимок пасхальской статуи и древней статуи из Южной Америки, и я по вибрациям определю, изваяны ли они одним и тем же народом». Дальше он писал, что однажды сделал из картона модель пирамиды Хеопса, а изнутри наполнил ее сырым мясом. Вскоре модель начала вибрировать так сильно, что пришлось всю семью отправить в больницу.

Я чувствовал, что вот-вот начну вибрировать сам, если не прекратится этот сумасшедший дом. Я рванулся вдогонку за аквалангистами, которые поднялись по лестнице на второй этаж, но Ивонн остановила меня, удрученно протянув телефонную трубку. И пока я говорил по телефону, она осторожно пододвинула шатающуюся гору невскрытых писем. Утренняя почта. Я боялся класть трубку, как бы телефон не зазвонил снова.

– Это из министерства иностранных дел звонили, – сказал я Ивонн. – Попроси ребят там наверху подождать, мне придется взять такси, английское министерство колоний прислало запрос по поводу острова Питкэрн, а Коста-Рика разрешила вести раскопки на острове Кокос, но я должен дать письменное обязательство, что не буду искать клад, который, как они считают, там зарыт.

– Захвати почту с собой в машину, – крикнула Ивонн мне вслед. – Вдруг окажется запоздалое письмо от какого-нибудь механика.

Я в этом сомневался, но все же подобрал на ходу письма. Чаще всего просились в экспедицию художники, писатели и всякие умельцы. А один немец написал, что хоть он и пекарь по профессии, но последние годы работал могильщиком, самый подходящий человек для раскопок.

– Не забудь, у тебя еще сегодня встреча с парусными мастерами, они разбили палатки на газоне у Бергсландов, – продолжала Ивонн, уже поднимаясь по лестнице.

Я выскочил за дверь и чуть не сбил с ног почтальона, который доставил вечернюю почту. Хотел было отдать ему свою пачку, но вовремя спохватился и нырнул в такси с охапкой конвертов.

– Майорстюейен, – сказал я шоферу.

– Мы на ней находимся, – ответил он кротко.

– Тогда МИД, – и я принялся за почту.

Нет механика... Правда, какой-то часовщик просился в коки, но кока я уже нашел. Письмо с кафедры археологии университета Осло. От одного из двух археологов, которые записались. Обнаружилась язва желудка, врач не разрешает плыть...

Рухнул один из наших опорных столбов. Много ли толку от экспедиции, если не хватит археологов. А найти так быстро другого, чтобы поехал на год, будет непросто. Надо опять садиться и писать археологам, норвежским и иностранным.

И вот наступил сентябрь. У пирса «Ц» перед ратушей появился белый, как яхта, траулер с плавными обводами, на трубе – кирпично-красная бородастая личина бога солнца Кон-Тики. На высоком, утолщенном для плавания во льдах форштевне синей краской намалевана странная эмблема, понятная только знатокам: два священных птичеловека, перерисованные с пасхальской деревянной таблицы с нерасшифрованными письменами. Теперь из трубы летели искры, судно лежало сытое и довольное, волны фьорда плескались у голубой ватерлинии. На борту кипела работа, а на пристани столпилось столько народу, что грузовики и тележки с последними грузами с трудом пробивались к пирсу.

Ничего не забыто? Конечно, провиант, лопатки и все прочие необходимые предметы мы запасли. Хуже обстояло с тем, что вообще трудно предусмотреть. Вдруг нам попадется скелет, лежащий в воде. А есть ли у нас химикалии, чтобы уберечь его от разрушения? Или понадобится взлезть на неприступную скалу – найдется у нас снаряжение для этого? И как мы будем решать проблему связи и снабжения, если лагерь будет в одном конце острова, а непогода заставит судно уйти к противоположному берегу? Что делать, если кок расплавит котел, если винт будет поврежден о кораллы или кто-нибудь из матросов наступит на ядовитого морского ежа? Как быть с продуктами, если откажет холодильник? Все ли специальные инструменты и запасные части взяты? Все должно быть продумано, все ходы предусмотрены, ведь судно уже стоит под парами, готово идти на остров Пасхи, самый уединенный клочок земли на свете, где нет ни мастерских, ни магазинов.

Капитан полным ходом распоряжался на мостике, люди метались по палубе, заdraивая люки и подтягивая концы, а штурман, могучий детина, невозмутимо стоял с плотничьим карандашом в руке и ставил крестики в длинном списке. Все, за чем ему поручили проследить, на месте. Даже елка капитана (к Рождеству!) втиснута в холодильник. Со списком порядок.

В последний раз зазвонил судовой колокол. Прозвучали команды, передаваясь от капитана к штурману, и над немеркнувшей головой бога солнца из трубы вырвались клубы мглы. Через борт в обе стороны летели добрые пожелания и прощальные слова, и два десятка довольных, предвкушающих увлекательное плавание ребят на палубе оторвались от работы, чтобы в последний раз, на целый год наглядеться на своих избранниц, которые стояли в толпе. Сколько лиц – столько оттенков чувств, от радости до печали. Вот безжалостно убраны сходни, с плеском вспороли воду тросы, заворчали лебедки, и механики в машинном отделении сотворили чудо – корабль пошел своим ходом. Над стеной провожающих на пристани взметнулся прощальный гул, закачались руки, словно лес в бурю, капитан заставил сирену издать несколько душераздирающих воплей.

Конец сумбуру. Я стоял на пристани и махал. Нет-нет, я не позабыл впопыхах сесть на корабль, просто мне еще надо было слетать в США, там три археолога согласились участвовать в экспедиции, потом предстоял визит вежливости в Чили, а уже после этого, когда судно пройдет Панамский канал, я поднимусь на борт... Е. К. В. кронпринц Улаф любезно согласился быть высочайшим покровителем экспедиции. Королевский норвежский департамент иностранных дел добыл мне разрешение от чилийского правительства вести раскопки на острове Пасхи при условии, что мы не повредим памятников прошлого. Англия и Франция также разрешили раскопки на принадлежащих им островах. Таким образом, нам была открыта «зеленая улица» в восточной части Тихого океана.

Когда судно развернулось к провожающим белой кормой и медленно отошло от пирса, на юте, выбирая грязный швартов, стоял молодой юнга. Душу его распирали восторг, и он сиял не хуже вечернего солнца, а весь класс дружным «ура» провожал Тура-младшего, на целый год избавленного от школьной повинности.

Но вот наше суденышко свернуло за огромный океанский лайнер и исчезло. Ему предстояло обогнуть половину земного шара, идя по следам мореходов, которые на много веков опередили современных детективов.

Глава вторая

Что нас ожидало на пупе Земли

Как тихо. Какой совершенный покой. Машина застопорена. Свет выключен. Трепетно-ясное звездное небо вырывалось из-за слепящей завесы и закачалось взад и вперед, описывая плавный круг над мачтой. Я вытянулся в шезлонге, упиваясь чистой гармонией. Будто отключили длинный провод, соединявший нас с материком, оборвался нескончаемый поток импульсов от мешающих станций всего света, остался лишь настоящий миг, обнаженная действительность. Свежий воздух, черная ночь, мерцающие звезды над мачтой. Мало-помалу зрение и слух, как говорится, открылись нараспашку, проветривая всю душу. Никаких впечатлений, которые надо приглушать или отсеивать, ничего похожего на суету большого города с его ослепительными рекламами, конкуренцией и шумными увеселениями – всем, что наперебой врывается в мозг по всем каналам чувств, подавляя нежную человеческую душу. Покой был настолько полный, что самый ток времени остановился и замер в ожидании. Боязно было кашлянуть, чтобы не разбудить задремавшие источники вселенского шума.

Далеко во мраке иногда рождался слабый шорох: то ли ветер, то ли волны гладили скалу. Все на борту примолкли, тишина рождала благоговейное настроение. Только из камбуза доносились обрывки приглушенного разговора под мелодичный плеск ласкающих судно волн, да ритмично звучало негромкое «скрип, скрип, скрип...» – наш кораблик удовлетворенно покряхтывал, мирно, мягко покачиваясь в ночи. Мы стояли с подветренной стороны.

Кончился нетерпеливый перестук запыхавшихся поршней, кончился набег океанских волн, которые все эти дни разбивались о нос корабля, качая нас вверх-вниз, вправо-влево, и

с шипением катили дальше. Прежде чем над морем и над нами спустился ночной мрак, мы укрылись в объятиях пустынного берега. Там, во тьме – остров Пасхи.

Мы подошли к нему еще засветло, успели рассмотреть серо-зеленые сопки и крутые прибрежные утесы, а вдали, на склоне потухшего вулкана в глубине острова, черными зернышками тмина на фоне багрового вечернего неба выделялись статуи. Тщательно промеряя дно эхолотом и обычным лотом, мы прижались к берегу, сколько позволяла глубина, и капитан велел отдать якорь.

На берегу ни души, заброшенный окаменевший мир с глядящими на нас неподвижными бюстами вдаль; другие столь же недвижимые истуканы лежали ничком вдоль каменной террасы на лавовых глыбах у самого берега. словно мы прилетели на межпланетном корабле на вымершую планету, где некогда жили существа, не похожие на обитателей нашего земного шара. На землю легли длинные тени, но ничто не двигалось. Ничто, кроме пламенно-красного солнца, которое медленно ушло в черный океан, окутав нас покровом ночного мрака.

Вообще-то здесь нельзя было останавливаться. По правилам, мы должны были еще несколько часов пахать волны, чтобы доложить о своем прибытии губернатору, живущему вместе со всеми прочими обитателями в маленькой деревушке на другом конце острова. Но ведь на острове Пасхи заход корабля всегда одно из важнейших событий года, а ни губернатору, ни нам, ни пасхальцам не будет никакой радости, если судно явится в предзакатный час. Лучше уж переждем ночь здесь, под прикрытием скал, хотя грунт для стоянки паршивый. А завтра с утра пораньше подойдем к деревне Ханга-Роа, подняв все флаги.

По шлюпочной палубе пробежала полоска света – это приоткрылась дверь нашей каюты, выпуская Ивонн. Маленькая Аннете спала мирно, как само ночное небо, обняв одной рукой мишку, а другой – негритенка.

– Надо бы сегодня устроить угощение, – прошептала Ивонн, указывая кивком на берег, – хоть мы официально еще и не прибыли.

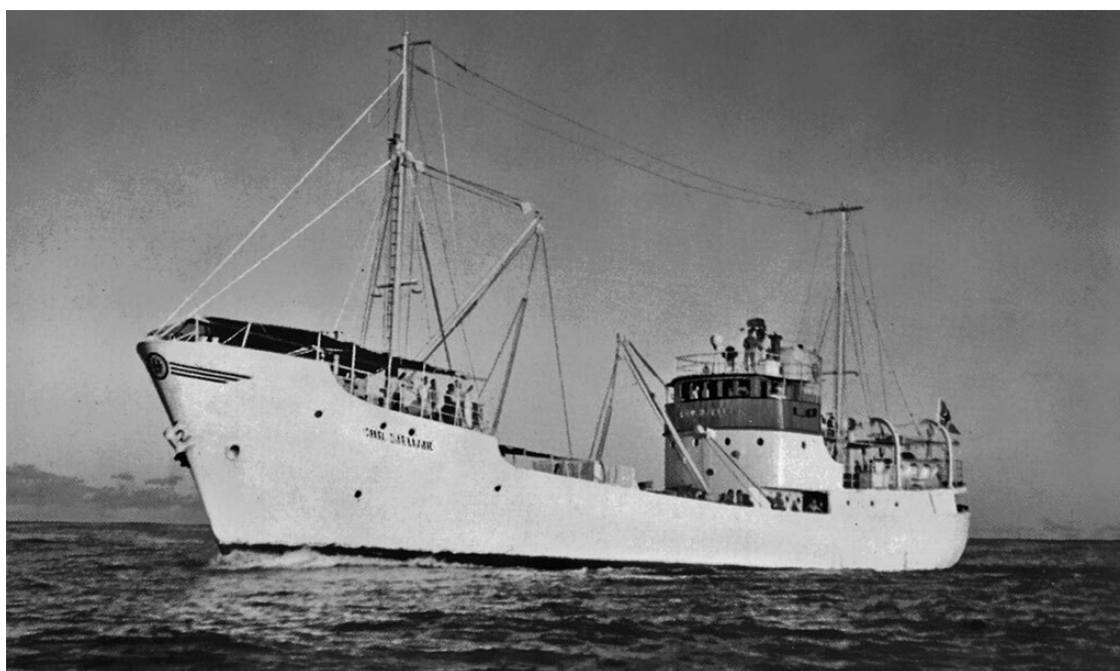
После двух недель качки она впервые поднялась на ноги и могла думать о еде. Я сказал ей, что стюард уже предупрежден и через несколько минут капитан соберет на шлюпочной палубе всю команду. Стоя у фальшборта, Ивонн как замороженная смотрела во мрак. Мы явственно ощущали тихое дыхание матери-земли, когда к соленому ветру примешивалось чудесное благоухание сена или травяного косогора.

Начали собираться ребята. Гладко выбритые, принарядившиеся – не узнать, они занимали места на стульях и скамейках, расставленных в круг между двумя шлюпками на верхней палубе.

Вот идет вразвалку плотный, широкоплечий Уильям Мэллой, он же Билл. Швырнул в море окурков, сел и задумчиво уставился в палубу. За ним показался худой и длинный Карлайл Смит, или попросту Карл. Закурил, взялся рукой за штаг и воззрился на звезды. Оба – доктора наук, профессора археологии, один в Вайомингском, другой в Канзасском университете. Следующий – наш старый друг Эд, Эдвин Фердон, сотрудник музея Нью-Мексико, единственный из американской тройки, кого я знал раньше. Полный, улыбающийся, он оперся на релинг рядом с Ивонн и с видимым удовольствием вдохнул веяние с суши. Сверкая озорными глазами, скатился с мостика маленький, упругий, как мячик, капитан Арне Хартмарк. Вот уже двадцать лет наш шкипер ходил в дальние плавания, но такого острова он еще никогда не видел в свой бинокль. За его спиной занял место штурман Санне, богатырь, ухватился руками за штаги и повис на них, словно добродушная ручная горилла.

Вот сверкают в улыбке зубы второго штурмана Ларсена, самого жизнерадостного человека на свете, он даже на электрическом стуле нашел бы повод посмеяться. А сейчас он к тому же сидит между двумя завязатыми остряками – слева наш первый механик, вечно улыбающийся толстяк Ульсен, справа костлявый второй механик с козлиной бородкой, которая делала его похожим то ли на проповедника-самоучку, то ли на фокусника. Поднялся по трапу

наш врач, доктор Ессинг; он приветствовал всех поклоном и сел. Позади него сверкали очки экспедиционного фотографа Эрлинга Шервена, кутившего, как всегда в торжественных случаях, тонкую сигару. Тур-младший пристроил свое долговязое мальчишечье тело в шлюпке, между двумя плечистыми матросами. Там же почтительно сидели кок Хапкен и стюард Грёнмюр, которые только что бесшумно расставили на столе изысканные кушанья. Никакая качка не могла помешать этим двум волшебникам творить кулинарные чудеса. Появились боцман, моторист, юнги. Последними пришли Арне Шёльсволд и Гонсало. Арне, археолог, директор нового музея в Эльверуме, побывал со мной и на Галапагосских островах. Гонсало Фигероа, студент университета в Сантьяго, будущий археолог, официально представлял в экспедиции Чили. Я не знал его, когда приглашал, и у нас были свои опасения, но в Панаме на судно поднялся по сходням веселый, жизнерадостный атлет с лицом аристократа, умеющий легко и просто приспосабливаться к самым различным жизненным обстоятельствам.

Экспедиционное судно «Кристиан Бьелланд»

И вот мы все двадцать три в сборе, отряд специалистов из самых различных областей. За несколько недель, проведенных вместе на борту, общая мечта ступить на берег этого острова, который притаился в ночи рядом с нами, сплотила нас в единый дружный коллектив. Да, все в сборе, и машина застопорена, теперь самое время немного рассказать о тех, кто побывал на Пасхи до нас. Будет легче разобраться в том, что предстоит нам самим.

– Настоящее название острова, – начал я свой рассказ, – никому не известно. Сами пасхальцы называют его Рапануи, однако исследователи не уверены, что это исконное название. В древнейших преданиях остров всегда выступает под наименованием Те-Пито-те-Хенуа, или Пуп Земли, но это скорее поэтический образ, чем имя, потому что позднее островитяне называли его также Глаз, видящий Небо и Порог Неба. Мы, живущие за тысячи и тысячи миль отсюда, написали на карте остров Пасхи только потому, что в 1722 году пасха пришлась на тот самый день, когда голландец Роггевен и его спутники первыми из европейцев приплыли сюда и увидели, как какие-то люди жгли сигнальные костры на берегу. Два голландских парусника уже под вечер бросили якорь у берега, однако до наступления ночи мореплаватели успели увидеть много удивительного. На борт поднялись рослые люди прекрасного телосложения, по видимому, светлокожие полинезийцы, известные нам по Таити, Гавайским и другим островам

юго-восточной части Тихого океана. Однако местное население явно не было чистокровным, попадались и более темнокожие люди, а также «совсем белые», как европейцы. У некоторых кожа была «розовая, точно они обгорели на солнце». Многие носили бороду. Сойдя на берег, голландцы увидели огромных истуканов высотой до десяти метров. Макушки их были увенчаны, точно коронами, какими-то большими цилиндрами. Рогтевен сообщает, что островитяне разожгли перед этими исполинскими богами огромные костры и, сидя на корточках, почти-тельно склонив голову, поднимали и опускали сложенные ладонями вместе руки. Беренс, который находился на втором корабле, записал, что на заре другого дня они увидели, как островитяне, бросившись ничком на землю, молились восходящему солнцу. А кругом горели сотни костров, очевидно, в честь богов. Это единственное описание ритуала поклонения солнцу на острове Пасхи.

Одним из первых на судно поднялся «совершенно белый человек», который держался с особым достоинством. Все его поведение говорило о том, что он занимает видное место среди островитян, и голландцы предположили, что он жрец.

Его наголо обриту голову украшала корона из перьев, а проколотые и удлиненные с помощью огромных, с кулак, круглых белых затычек мочки ушей свисали, болтаясь, до самых плеч. Такие же уши голландцы увидели и у других. Если длинные мочки мешали работать, островитяне вынимали затычки и зацепляли мочку за верхний край уха.

Многие пасхальцы ходили нагишом, причем все тело покрывала причудливая татуировка, сплошной узор из птиц и странных символов. Другие кутали тело в плащи из луба, окрашенного в желтый и красный цвета. Головные уборы были либо из перьев, либо из камыша. Островитяне дружелюбно встретили гостей, голландцы ни у кого не увидели оружия. Как ни странно, было очень мало женщин, зато они относились к чужеземцам очень предупредительно, и мужчины их ничуть не ревновали.

Жильем островитянам служили похожие на опрокинутую вверх дном лодку длинные низкие хижины из камыша, без окон, с тесным входом, через который можно было пробраться только ползком. Внутри никакого убранства, если не считать циновок да заменявших подушки каменных плит, а жильцов в каждой хижине было множество. Из домашних животных они знали только кур. Выращивали бананы, сахарный тростник и прежде всего батат, который голландцы называют в своих записках «хлебом насущным» островитян.

Тогдашние жители острова Пасхи вряд ли увлекались мореплаванием, потому что самые большие лодки, виденные голландцами, не превышали в длину двух с половиной метров, а ширина их еле позволяла втиснуть ноги, к тому же лодки эти протекали так сильно, что одной рукой греби, а другой вычерпывай.

Пасхальцы жили еще в каменном веке, металла совсем не знали, пищу готовили в ямах, на раскаленных камнях. Не мудрено, если голландцам показалось, что на всем свете нет такой отсталости, как здесь. Тем сильнее их удивляло, что среди такой скудости высились исполинские изваяния, равных которым они никогда не встречали в Европе. Голландцев больше всего поражало, как могли быть воздвигнуты эти гиганты. Ведь у островитян не было ни бревен, ни канатов. Путешественники исследовали сильно выветренную поверхность изваяний и пришли к выводу, что все очень просто – дескать, фигуры не вытесаны из камня, они вылеплены из глины, в которую понатыкали мелких камешков.

Довольные собственной проницательностью, они вернулись на свои корабли, которые уже сорвали с грунта два якоря, и покинули удивительный остров, пробыв там всего один день. В судовом журнале голландцы записали, что островитян отличает веселый нрав и миролюбие и ведут они себя вполне прилично, но воры высшей марки. По какому-то недоразумению одного пасхальца застрелили на борту корабля, еще с дюжину было убито на берегу. Потери европейцев ограничились скатертью да несколькими шляпами, которые украли у них прямо с головы.

Стоя возле убитых и раненых соплеменников, островитяне провожали взглядом уходящие на запад большие паруса. Прошло почти полвека, прежде чем к ним снова явились гости из внешнего мира.

Это было в 1770 году, когда пришли испанцы на двух кораблях под командой дон Фелипе Гонсалеса. И на этот раз мореплавателей привлек дым сигнальных костров, зажженных островитянами. Сойдя на берег вместе с двумя священниками и отрядом солдат, путешественники торжественно проследовали к вершине трехглавой горы в восточной части острова. Их провожали, приплясывая, ликующие толпы любопытных островитян. Испанцы поставили на каждой из трех макушек по кресту, спели что-то, салютовали ружейными залпами и объявили остров испанским владением. А чтобы подтвердить законность сего акта, они составили на имя короля Испании Карлоса послание, под которым самые смелые из островитян «с неприкрытой радостью и восторгом» начертили птиц и какие-то странные закорючки. Испанцы сочли такие «подписи» вполне достаточными. Так остров обрел хозяина в лице испанского короля и получил новое название – Сан-Карлос.

Испанцы не поддались заблуждению, будто статуи вылеплены из глины. Один из них взял в руки кирку и с такой силой ударил по изваянию, что искры полетели. Так было доказано, что истуканы каменные. Но как воздвигли этих великанов, оставалось загадкой, испанцы даже сомневались, что они вообще изваяны на этом острове.

Хотя на беслесной поверхности острова все просматривалось насквозь, дареное и краденое исчезало бесследно, и испанцы заподозрили, что у островитян есть подземные тайники. И нигде не было видно детей, казалось, все население состоит из множества взрослых мужчин и всего нескольких, но зато чрезвычайно легкомысленных женщин.

Первыми испанцам встретились рослые светлокожие мужчины, двоих самых высоких измерили, оказался рост один метр девяносто девять сантиметров и один метр девяносто пять сантиметров. Много было бородатых, и испанцы заключили, что обитатели острова – вылитые европейцы, они совсем не похожи на обычных туземцев. Путешественники отметили в своих записках, что среди островитян попадаются светлые шатены и даже рыжие. А когда удалось еще и научить местных жителей внятно произносить по-испански «Аве Мария, да здравствует Карлос Третий, король Испании», гости единодушно заключили, что островитяне народ сметливый, способный к науке и легко поддающийся приручению. После чего они распрощались со своими новыми подданными, чтобы больше никогда уже сюда не возвращаться.

Следующими остров посетили англичане, во главе которых стоял не кто иной, как сам капитан Кук, а после него – француз Лаперуз.

Видимо, пасхальцам начали надоедать все эти гости. Когда Кук сошел на берег, его поразила малочисленность встречающих, всего несколько сот человек, да и те производили самое жалкое впечатление. Все они были ниже среднего роста, угрюмые и апатичные. Спутники Кука решили, что после визита испанцев на острове случилась какая-то беда, после которой жители чуть не все вымерли. Куку же показалось, что пасхальцы укрылись под землей. Особенно его удивило, как мало встречалось женщин, хотя он разослал патрули по всему острову. Во многих местах англичане нашли в камнях узкие ходы, они, по-видимому, вели в подземные убежища, однако пасхальцы не пускали туда чужеземцев. Сильно разочарованные, англичане, которых одолевала цинга, покинули остров Пасхи. Им удалось раздобыть лишь немного батата, единственной важной культуры, увиденной ими на острове. Впрочем, и тут их надули: пройдохи-островитяне нагрузили корзины камнями, прикрыв их сверху слоем батата.

Столь же молниеносный визит Лаперуза состоялся уже через двенадцать лет, в 1786 году. На этот раз на Пасхи опять было много людей, снова показались светловолосые, и почти половину островитян составляли женщины. Наконец, как и должно быть в нормальной человеческой общине, появилось множество детей всех возрастов. Казалось, они вышли из чрева самой земли этого загадочного островка с его беслесным лунным ландшафтом. Да так оно,

собственно, и было. Пасхальцы вылезали из подземных ходов, и французам удалось проникнуть в некоторые из тесных каменных туннелей, куда англичанам не довелось попасть. Подтвердилась догадка Кука, что местные жители устроили себе убежища в темных подземных тайниках. Здесь пряталась от Кука знать, здесь же, когда голландцы открыли остров, скрывались дети и большинство женщин. Лаперуз заключил, что мирное поведение Кука и его людей успокоило пасхальцев, они теперь осмелели и вышли на поверхность, общим числом около двух тысяч человек.

Но хотя большинство местных жителей и укрылось под землей, когда по ней ходил Кук, и хотя они успели утащить с собой в тайники свое главное имущество, каменных исполинов унести было невозможно, они упорно продолжали стоять на своем посту. И Кук, и Лаперуз считали их памятниками далекого прошлого, уже тогда изваяния казались очень древними. Кук восхищался мастерством безвестных строителей: без всякой техники они установили колоссов на верхней площадке ступенчатых сооружений из камня.

Какой бы способ ни был применен, записал Кук, такая работа свидетельствует о редкой одаренности и энергии людей, живших в прошлом на этом пустынном острове. Он не сомневался, что современные пасхальцы тут не при чем, они даже не пытались чинить каменные террасы, которые уже давно начали разваливаться. К тому же многие статуи были повалены и лежали ничком у подножия своих пьедесталов, причем их явно сбросили намеренно.

Кук исследовал некоторые постаменты, и его изумило, что они сложены из громадных каменных блоков, вытесанных и отполированных настолько тщательно, что эти гигантские кубики подходили один к другому с потрясающей точностью и при кладке не потребовалось никакого связующего раствора. Более совершенной кладки Кук никогда не видел, даже в лучших постройках Англии. И, однако же, добавляет он в своих записках, все это тщание не смогло противостоять разрушительному действию времени.

На корабле Кука был полинезиец с Таити. Он понимал многие слова из языка тогдашних пасхальцев. И англичане выяснили, что статуи не были кумирами в подлинном смысле слова, а служили памятниками арики – так звали знатных островитян из священного королевского рода. Груды костей свидетельствовали, что платформы, на которых стояли изваяния, продолжают служить местом погребения. Пасхальцы явно верили в загробную жизнь, несколько раз они объясняли путешественникам знаками, что, хотя скелет лежит на земле, хозяин его улетел вверх, на небеса.

В лице Лаперуза наш мир впервые попытался воздействовать на пасхальскую культуру. Он оставил островитянам свиней, коз и овец, успел даже посадить кучу семян за те немногие часы, что находился на Пасхи. Но голодные пасхальцы слопали всех четвероногих, не дав им размножиться, и все осталось по-прежнему.

Лишь в начале следующего столетия на уединенном острове снова появились гости, и опять это были представители нашей расы. Островитяне не стали прятаться под землей, они столпились на скалах вдоль берега. Это было на руку капитану американской шхуны, который собирался колонизовать лежащий в море около Чили необитаемый остров Хуан Фернандес и устроить там базу для боя тюленей. После отчаянной потасовки он захватил двенадцать мужчин и десять женщин и вышел в море. На третий день американец выпустил пленников на палубу. Мужчины немедленно прыгнули за борт и поплыли к исчезнувшему за горизонтом родному острову. Капитан плюнул в сердцах и повернул обратно за новой партией.

После этого островитяне стали встречать мореплавателей градом камней, и несколько судов так и не смогли высадить людей на скалистый берег. В конце концов одной русской экспедиции удалось с помощью огнестрельного оружия пробиться на берег, но уже через несколько часов им пришлось отступить.

Шли годы. Изредка около острова останавливались суда, и постепенно недоверие островитян прошло. Они все реже швыряли камнями в гостей, и все больше женщин выходило полюбезничать с чужеземцами. Но затем случилась беда.

Однажды у берега Пасхи бросил якорь отряд из семи перуанских парусников. Островитяне поплыли к судам, их пригласили на борт и порадовали, разрешив нарисовать каракули на листе бумаги. Сами того не зная, пасхальцы подписали контракт, подрядились работать на богатых гуано островах у побережья Перу. И когда они, ничего не подозревая, собрались вернуться на берег, их связали и бросили в трюмы. Затем восемьдесят охотников за рабами подошли на шлюпках к пляжу и разложили одежду и прочие соблазнительные дары. Прельщенные такой роскошью любопытные пасхальцы, усеявшие прибрежные скалы, стали подходить поближе. Когда их собралось несколько сот, перуанцы ринулись в атаку. Тех, кто, опустившись на колени, собирал дары, схватили и связали, а пытавшихся спастись бегством или вплавь обстреляли. Последняя шлюпка, набитая пленниками, уже готовилась отчалить, когда один из капитанов вдруг обнаружил двух укрывшихся в пещере островитян. Ему не удалось заставить их плыть с ним, тогда он застрелил обоих. Так остров Пасхи в сочельник 1862 года разом обезлюдел. Кого не загнали в трюмы и не уложили наповал пулями на берегу залива, те попрятались в подземелье, завалив входы камнями. Гнетущая тишина воцарилась на голом острове, лишь угрожающе ворчал прибой. Огромные истуканы стояли с каменными лицами. А с кораблей доносились песни и пьяные вопли, гости не подняли якорь, пока не отпраздновали Рождество.

Обитателям Пуапа Земли, познавшим и Пасхи, и Рождество, предстояло теперь лучше познакомиться с внешним миром. Корабли увезли тысячу рабов и высадили их на перуанские острова собирать гуано. Епископ Таити выступил с протестом, тогда власти распорядились, чтобы пленников немедленно вернули на родной остров. Но человек девятьсот успели погибнуть от болезней и непривычных условий, прежде чем за ними пришел корабль, а из ста уцелевших восемьдесят пять умерли по пути домой. Только пятнадцать островитян вернулись живыми на Пасхи. Они привезли оспу, которая мгновенно распространилась по всему острову и прикончила чуть не все население, даже тех, кто скрывался в самых глубоких и тесных пещерах. Нужда и болезни сократили число обитателей до ста одиннадцати человек, считая взрослых и детей.

Тем временем на острове впервые поселился чужеземец, который руководствовался самыми благими намерениями. То был одинокий миссионер, искренне старавшийся помочь местным жителям. Увы, они начисто обокрали его, забрали даже одежду слуги господня. Он бежал с первым же кораблем, однако вернулся с помощниками и учредил маленькую миссионерскую станцию. Оставшиеся в живых пасхальцы позволили окрестить себя, а года через два явился какой-то странствующий француз-авантюрист и натравил их на миссионеров. Они прогнали пастырей, прикончили француза и продолжали петь псалмы без посторонней помощи; все прочие следы миссионерской деятельности быстро изгладились.

В конце прошлого века чужеземцы установили, что на Пасхи отличные пастбища для овец, и остров был аннексирован Чили. Ныне здесь есть губернатор, священник, врач и никто больше не живет в пещерах или камышовых хижинах. На смену древней культуре пришла цивилизация, как это было у эскимосов, индейцев и обитателей других тихоокеанских островов.

– Так что мы прибыли сюда не за тем, чтобы изучать жизнь цивилизованных островитян, – сказал я. – Мы будем вести раскопки. Если сегодня вообще можно найти ответ на загадки острова Пасхи, то только в земле.

– А разве здесь раньше никто не занимался раскопками? – спросил один матрос.

– Считают, что здесь негде рыть, нет почвы. Деревья на острове не растут. А если и раньше тоже не было леса, то ведь одна увядшая трава не образует мощного слоя земли. Поэтому все уверены, что тут нет смысла искать.

В самом деле, на этом удивительном острове побывали только две археологические экспедиции, больше желающих не нашлось. Первая экспедиция носила частный характер, руководила ею англичанка Кэтрин Рутледж. Она приплыла на Пасхи в 1914 году на собственной шхуне, измерила и нанесла на карту все, что видела на поверхности земли, и в первую очередь каменные террасы, старые дороги, а также четыреста с лишним огромных изваяний, разбросанных по всему острову. Работы был непочатый край, и Рутледж просто не хватило времени заниматься систематическими раскопками, удалось лишь расчистить от земли несколько статуй. На беду, научные записи экспедиции пропали, но Кэтрин Рутледж написала о своем кругосветном плавании книгу, в которой говорит, что остров буквально пропитан таинственностью, а нерешенная вековая загадка с каждым днем все больше занимала ее мысли. Тени неизвестных ваятелей прошлого витают над островом, писала она. Они напоминают о себе на каждом шагу. Давно умершие каменотесы более активны и реальны, чем ныне живущее население, и безраздельно властвуют над островом, опираясь на своих вассалов – безгласных истуканов. Движимые неведомым для нас стремлением, они иссекли каменными рубилами склон потухшего вулкана, изменили облик целой горы, и все это ради того, чтобы воздвигнуть огромные человекоподобные скульптуры по берегам заливов и у причалов.

«Вокруг острова и над ним простираются без конца и края море и небо – безграничное пространство, несравненная тишина. Человек, живущий здесь, всегда прислушивается неведомо к чему, чувствуя подсознательно, что находится в преддверии чего-то еще более великого, лежащего за пределами его восприятия».

Так воспринимала Рутледж остров Пасхи. Она открыто признавала существование тайны, трезво изложила собранные факты и предоставила искать ответ последующим исследователям.

Двадцать лет спустя военный корабль доставил на остров Пасхи франко-бельгийскую экспедицию; потом другой корабль ее забрал. Один из археологов умер в пути, и, пока француз Метро опрашивал островитян, собирая материал для этнографического очерка, бельгиец Лавашери еле поспевал изучать тысячи наскальных изображений и каменные памятники, которые сами бросались в глаза на безлесном острове. До раскопок дело опять не дошло.

Французы и бельгийцы наметили себе, в общем-то, другие задачи, чем англичане, изваяния не были в центре их внимания. Но Метро заключил, что не так уж тут все и загадочно, на Пасхи могли прибыть самые обыкновенные туземцы с островов, лежащих дальше на запад, им захотелось делать фигуры, а так как деревьев не было, они принялись долбить гору.

И до, и после этой экспедиции на Пасхи побывали другие исследователи и множество путешественников. Пока судно несколько дней, а чаще несколько часов стояло на якоре, они записывали со слов нищего населения предания и собирали резные изделия из дерева либо добывали образцы скудной фауны и флоры. Медленно, но верно крохотный островок на краю света опустошали на потребу музейных витрин и сувенирных полок. Большинство поддающихся переноске предметов увезено. Лишь громадные головы с презрительной окаменелой улыбкой по-прежнему высятся на склонах, встречая и провожая лилипутиков, которые приходят сюда, таращат на них глаза и уходят опять, меж тем как одно столетие сменяется другим. Ореол таинственности легкой дымкой окутывает остров.

Таковы основные черты истории острова Пасхи.

– А может быть так, что у островитян есть еще какие-нибудь предания? – спросил негромко капитан.

– Оптимист, – сказал я. – Завтра ты их увидишь, это такие же цивилизованные люди, как мы с тобой. Первым здесь собирал предания американец Томсон. Это было в 1886 году, до того как пасхальцы подверглись влиянию чужеземцев, которые потом поселились на острове. Они ему рассказали, что их предки приплыли с востока на огромных судах, шестьдесят дней правили на закат. Сначала на острове обитали два различных народа, «длинноухие» и «корот-

коухие», но затем разразилась война, и вторые почти совершенно истребили первых, потом продолжали хозяйничать одни. Все старые предания, какие сохранились, можно сегодня прочесть в книгах. Вообще в Южных морях от старины мало что осталось.

– А на острове Пасхи тем более, – вставил Гонсало. – Тут теперь поселилось много белых, построены даже школа и маленькая больница.

– Так что пасхальцы могут нам помочь только как рабочие на раскопках, – продолжал я. – Еще, может быть, у них найдутся для нас свежие овощи.

– Надеюсь, вахины не откажутся научить нас плясать хулу, – пробормотал один из механиков, поддержанный смехом и одобрительными возгласами товарищей.

Вдруг чей-то хриплый голос что-то произнес. Но чей? Все смотрели друг на друга. Кто же это был? Штурман осветил фонариком теряющуюся во тьме палубу. Никого. Странно... Наконец механик нарушил молчание, еще что-то сострил насчет хулы, и опять послышался незнакомый голос. Может быть, из-за борта? Мы подбежали к фальшборту и посветили на черную гладь. Какая там черная гладь – свет фонаря пал на множество сверкающих любопытными глазами лиц, и каких лиц! Подобных пиратских физиономий мы еще никогда не видели. Плотнo сгрудившись в тесной лодчонке, на нас снизу смотрели гости.

– Иа-о-рана! – крикнул я. Поймут?

– Иа-о-рана! – ответили они хором.

Значит, полинезийцы, заключил я. Но бог ты мой, сколько же тут еще всяких примесей!

Мы бросили им трап, и один за другим они полезли вверх. Большинство – крепкие, здоровые парни, только одетые в какие-то лохмотья. Вот первый показался над фальшбортом, голова обвязана красным платком, в зубах зажат узел, на теле драная майка и подвернутые до колен остатки штанов. Мелькнули босые ноги, и он ступил на палубу. За ним последовал огромный рябой верзила в старой зеленой шинели, тоже босой. Он нес на плече здоровенную дубинку и связку украшенных резьбой палок. А там уже появилась оскаленная деревянная голова с огромными глазищами и козлиной бородкой и деревянная же фигура с торчащими ребрами. Это изделие нес пасхалец в белой матросской бескозырке. Поднявшись на борт и пожав руку тем, кто стоял поближе, оборванцы принимались извлекать из своих узлов и мешков своеобразные изделия. Из рук в руки переходили замысловатые деревянные скульптуры, которые поразили нас еще больше, чем их владельцы.

У всех резчиков были фигурки, изображающие одного и того же гротескного сутулого человечка. Большой орлиный нос, козлиная бородка, длинные висящие мочки ушей, огромные вставные глаза, рот искажен дьявольской усмешкой, хребет и голые ребра торчат, живот втянут. Все они были выдержаны в одном стиле, отличались только размером. Обращал на себя внимание также крылатый человечек с птичьей головой; попадались изящные палицы и весла, разукрашенные большеглазыми масками, и нагрудные украшения в виде полумесяца, покрытые загадочными письменами, которых никто не может расшифровать. Все было вырезано с величайшим искусством и тщательно отполировано, так что деревянные изделия казались на ощупь фарфоровыми. Гораздо менее удачными показались нам каменные копии знаменитых больших изваяний. Один островитянин привез чудесный головной убор из перьев и искусно сделанный из того же материала наряд. Такого обилия поделок я не видел до сих пор на полинезийских островах; обычно жители этой области предпочитают не обременять себя трудами. Здесь же нас по сути дела встретила целая артель замечательных резчиков по дереву. Непосвященному человеку могло показаться, что авторы этих гротескных фигурок обладают неумемной творческой фантазией. Но если присмотреться, оказывалось, что повторяются одни и те же немногочисленные мотивы. Вариации не выходили за границы строго определенных канонов.

Незадолго перед тем я изучал в Национальном музее Чили собранные Местным образцы современного народного искусства острова Пасхи, и, когда пасхальцы стали показывать нам свои изделия, мне ничего не стоило их удивить тем, что я знал название каждой фигурки. Ведь

это были безупречные повторения предметов, которые нашли на Пасхи еще первые европейцы и которые теперь можно увидеть только в музеях. Оригиналы сегодня ценятся страшно дорого, а так как добыть их уже нигде, островитяне поддерживают оборот, снабжая рынок хорошими копиями.

Резчики, смущенно улыбаясь, показывали на свои драные штаны и босые ноги, дескать, возьмем в обмен одежду и обувь. И вот уже на палубе полным ходом развернулся торг. Движимые не только жаждой приобретения, но и врожденной добротой наши люди ринулись в каюты и вынырнули оттуда со всем, что у них было лишнего из одежды. Вдруг появилась маленькая Аннете в своей пижаме. Забравшись в гущу участников обмена, она потянула за ноги пораженного ее птичечеловека, которого держал под мышкой обладатель одной из самых свирепых физиономий. Увидев, что фигурка понравилась ребенку, он немедленно преподнес ее в дар Аннете. Ивонн живо сходила за ответным подарком. Подошел фотограф, дернул меня за рукав.

– Послушай, там стоит один тип, у него за пазухой какая-то диковинная штука. Говорит, что-то очень старинное, из поколения в поколение передавалось...

Я улыбнулся, но на всякий случай последовал за фотографом, который подвел меня к опрятно одетому худощавому человеку с лицом араба, только побледнее кожа, и с гитлеровскими усиками.

– Буэнос диас, сеньор, – приветствовал он меня и с таинственным видом вытащил из-под рубахи маленький плоский камень с выгравированным птичечеловеком.

Я сразу увидел, что гравировка недавняя, и, не дожидаясь, когда владелец начнет говорить о предках, воскликнул с нарочитым восхищением:

– Как, неужели ты это сам сделал?!

Он на секунду смешался, растерянность боролась на его лице с улыбкой, потом порозовел от гордости и посмотрел на свой шедевр, соображая, что вообще-то обидно уступать кому-либо честь авторства.

– Да, – самодовольно подтвердил он, явно упиваясь собственным мастерством.

Ему не пришлось пожалеть о своем признании: фотографу камень понравился, и он купил его.

Незаметно к борту корабля подошла еще лодка, и мне доложили, что по трапу поднимается белый. Молодой, подтянутый флотский офицер представился помощником губернатора и приветствовал нас от имени своего начальника. Мы пригласили его в салон выпить стаканчик и объяснили, почему остановились в этом месте. В ответ мы услышали, что сейчас из-за плохой погоды все равно не смогли бы стать на якорь около деревни, но завтра утром не мешало бы нам перейти под прикрытием другого мыса, ближе к селению, тогда они постараются нам помочь высадиться на скалы. Далее мы узнали, что прошло ровно полгода, как их навестило последнее судно – разумеется, чилийский военный корабль. А годом раньше к острову подошел роскошный лайнер. Губернатора запросили, есть ли в местном отеле лифт и подходит ли трамвай к пристани. Когда же он ответил, что на острове нет ни отелей, ни пристаней, пассажиров не стали высаживать на берег. Зато на борт лайнера допустили несколько островитян, которые доставили сувениры и сплясали хулу на палубе, после чего туристы отправились дальше осматривать Тихий океан.

– Ну, мы-то сойдем на берег, хотя бы нам пришлось добираться вплавь, – рассмеялись мы, не подозревая, что эти слова окажутся почти пророческими.

Возвращаясь к трапу, офицер предложил нам оставить на борту кого-нибудь из островитян лоцманом для завтрашнего перехода.

– Они крадут, как сороки, – добавил он, – так что, пожалуй, лучше всего оставить бургомистра. – Вы уже познакомились с ним?

Нет, я еще не успел. Гордые подданные привели своего бургомистра. Это был тот самый тип с гитлеровскими усиками и поддельным камнем. Рубаха его оттопыривалась, теперь за пазухой лежали вещи, полученные от фотографа.

– Вождей у нас больше нет, но вот вам бургомистр острова Пасхи, – сказал офицер, добродушно похлопывая усатого по плечу. – К тому же он лучший на острове резчик по дереву.

– Си, сеньор, – просиял бургомистр и смущенно опустил глаза.

Его приятели окружили нас тесным кольцом, каждому было лестно, что у них есть свой выборный бургомистр. Я видел много умных лиц в толпе; несколько человек выделялись властным, волевым видом.

– Си, сеньор, – повторил худощавый и выпятил грудь так, что из-под рубахи выглянули старые брюки фотографа. – Я уже двадцать восемь лет бургомистр. Они переизбирают меня каждый раз.

«Странно, почему они выбирают такого чудака, – подумал я. – Как будто нет более подходящих кандидатов».

Офицеру пришлось пустить в ход всю свою власть, чтобы заставить наших гостей сойти в лодки. Остался только бургомистр.

Он стоял на фоне сказочно синего неба с обнаженной головой и пышной бородой, напоминая апостола или пророка.

Глядя на румяное лицо с пытливыми, умными глазами в окружении улыбчивых морщинок, я протянул руку патеру.

– Добро пожаловать на мой остров, – приветствовал он меня. Я отметил про себя притяжательное местоимение. – Да, я всегда говорю мой остров, – продолжал он, широко улыбаясь, – потому что считаю его своим и не уступлю никому ни за какие миллионы.

Я ответил, что вполне понимаю его и мы готовы во всем ему подчиняться. Патер рассмеялся.

– Вы любите туземцев? – внезапно спросил он, испытующе глядя на меня.

– Люблю тем больше, чем они натуральнее, – сказал я. Патер Себастиан просиял.

– Тогда мы станем хорошими друзьями.

Я представил Гонсало, шкипера, врача и других своих спутников, после чего мы вместе прошли к джипу, который стоял между лавовых глыб и пасущихся коней. Сначала мы ехали зигзагами по ухабам, потом началась колея, она привела нас к деревне. Мы въехали внутрь ограды и вскоре остановились у стоящего особняком домика губернатора.

Вышел невысокий, плотный человек в серо-зеленом мундире, очень сердечно нас встретил и пригласил пройти в кабинет, где быстро были совершены все формальности.

Мы сидели лицом к лицу с двумя важнейшими деятелями на острове – старым мудрецом патером Себастианом и моложавым военным губернатором Арнальдо Курти. Первый прожил здесь уже двадцать лет и собирался до конца своих дней оставаться на Пасхи, второй прибыл на военном корабле, чтобы два года именем правительства управлять островом. Один олицетворял опыт, другой власть, кто же из них верховодит? Мы быстро убедились, что они составляют единое целое, повседневно сотрудничают, разрешая самые неожиданные проблемы, какие могут возникнуть только в своеобразнейшей общине на уединеннейшем из островов.

Капитан предъявил список экипажа, врач экспедиции – медицинское свидетельство, на этом официальная процедура окончилась.

– Желаю успеха в раскопках, – сказал губернатор, пожимая мне руку. – Просим соблюдать лишь два запрета: вы не должны давать островитянам оружия, а также спиртных напитков.

Нас это вполне устраивало.

– Да, и еще одно дело, – губернатор почесал в затылке. – Понимаете, вы человек довольно известный здесь на острове и причинили нам немало хлопот... – патер рассмеялся и погладил бороду. – Да уж, теперь пусть ваше судно несет караул, – сказал он.

Мы ничего не понимали, но за объяснением дело не стало. Когда пасхальцы узнали, что плот «Кон-Тики» благополучно пересек океан и добрался до полинезийских островов, их это очень заинтересовало. Чем они хуже своих предков, совершавших такие плавания? На безлесном острове бревен для плота не было, но несколько человек сколотили из досок лодчонку и вышли в море ловить рыбу. Течение подхватило их, и – прощай, остров Пасхи! Пять недель спустя, нечаянно повторив дрейф «Кон-Тики», голодные, изможденные путешественники пристали к одному из атоллов архипелага Туамоту, откуда перебрались на Таити. Нашлись желающие последовать их примеру. Другие островитяне смастерили лодку и собрались выйти в море, будто бы за рыбой. Но губернатор обнаружил в лодке канистры с пресной водой и заподозрил неладное. Выпускать людей в дальнее плавание на такой скорлупке было слишком опасно, и он распорядился вытащить лодку на берег. Заговорщики все равно попытались уплыть, тогда он приставил к лодке вооруженную охрану. Кончилось тем, что ночью караульный бежал вместе с остальными. Эту лодку отнесло еще дальше на запад, и мореплаватели, страшно довольные, сошли на берег Атиу, далеко за Таити. После этого охота к перемене мест приобрела характер эпидемии. Две компании смастерили себе по лодке, которые теперь лежат наготове. Вся деревня знает, что за этим кроется, и, хотя на острове живет только горстка белых, приходится выделять из них одного человека, чтобы круглые сутки стеречь лодки.

– Если бы я мог объявить островитянам, что мы все равно догоним новых беглецов на вашем судне, караул можно снять, – заключил губернатор.

Я дал свое согласие.

– Караульщики пригодятся нам в других местах, – сказал он. – Островитяне крадут до двух тысяч овец в год. У нас есть что-то вроде тюрьмы для самых отъявленных воров, да что толку, ведь заключенных приходится отпускать домой, чтобы могли поесть. Если мы будем кормить их в тюрьме, все станут преступниками, лишь бы кормили бесплатно.

– А вообще-то они люди славные, – продолжал губернатор, и патер Себастиан кивнул. – Надо только постараться понять их. Серьезных происшествий или драк не бывает. Дальше воровства дело никогда не заходило, да и то надо помнить, что островитяне дарят так же охотно, как крадут. Здесь свое отношение к собственности, они не придают ей такого значения, как мы.

Патер Себастиан обещал подобрать дельных работников для наших раскопок, определить им дневной заработок и паек. Мы узнали, что наши меновые товары куда дороже для пасхальцев, чем любое золото и деньги, ведь на острове нет ни лавок, ни кино, даже парикмахерской.

Было решено, что залив Анакена в другом конце острова лучше всего подходит для лагеря экспедиции. Причин для такого выбора было много. Это самое красивое место на всем побережье. Там единственный приличный песчаный пляж, можно на плоту свезти наше снаряжение. До деревни оттуда далеко, меньше опасность краж и всяких недоразумений. К тому же это овечья преданиями королевская долина, где впервые пристал к острову легендарный Хоту Матуа. Что еще могли мы себе пожелать?

После великолепного угощения в домике губернатора мы вернулись на судно. Прибрежные утесы по-прежнему были усеяны островитянами, и мы разрешили всем желающим осмотреть наш корабль, чем порадовали патера Себастиана. На этот раз пасхальцы показались мне с виду более аккуратными, а главное – не такими оборванцами, как при нашей первой встрече.

И я сказал об этом бургомистру, который тоже успел побывать дома и надеть целую рубаху. Он хитро улыбнулся.

– Это у нас такая уловка. Наденешь на себя старье, тебе больше платят за деревянные фигурки.

Из-за волнения на море далеко не все смогли попасть на судно, но мы обещали пригласить остальных в другой раз. Только последняя партия собралась возвращаться на берег, как прибежал капитан с книгой для посетителей.

– Пусть наши гости распишутся, – сказал он, подавая книгу самому сметливому с виду туземцу.

Пасхалец взял книгу и ручку и с озабоченным лицом пошел к товарищам; развернулось какое-то оживленное обсуждение. Наконец все тот же туземец вернулся к капитану и хмуро возвратил ему гостевую книгу – без единой подписи.

– Что, из вас никто не умеет расписываться? – спросил капитан.

– Почему, многие умеют. Но они не хотят.

Гонсало, который слышал этот разговор, взял книгу и подошел с ней к пасхальцам, дескать, он чилиец и, может быть, им его будет легче понять. Но когда он начал им объяснять, в чем дело, поднялся страшный шум и дело чуть не дошло до потасовки, потому что один из туземцев порывался выбросить книгу за борт. Пришлось мне решительно вмешаться, чтобы выручить Гонсало. Взырошенный и разгоряченный, он подошел ко мне.

– Это просто невероятно! – воскликнул он. – Они отказываются расписываться, говорят, что вот так обманули их предков и увезли в рабство в Перу!

Мы разбили лагерь на берегу залива Анакена – там, где некогда жил король Хоту Матуа

– Не может быть, они не могли сохранить этот случай в памяти, – заметил кто-то.

Но когда мы подсчитали, получилось, что жертвами налета работорговцев были деды нынешних пасхальцев, да и отцы многих из них уже родились на свет к тому времени.

Гостевую книгу живо убрали, и я объявил гостям, что пора прощаться, мы снимаемся с якоря. Никто не послушался. Сколько мы ни гудели сиреной и как ни старались механики, пуская машину, произвести побольше шума и грохота, ничто не помогало. Пришлось мне проводить несколько человек до трапа и заставить их спуститься в одну из двух ожидающих лодок.

Только я велел привести остальных, как увидел, что первые уже гребут к берегу, ведя на буксире вторую лодку, которая почему-то вдруг наполнилась водой. Я окликнул их, сказал, чтобы взяли своих товарищей, и услышал в ответ, что они вернутся, вот только отвезут пассажиров и вычерпают воду из лодок. Мы ждали, ждали, сигналили гудком, но лодки не возвращались. Нам надо было, пока не стемнело, перейти на другую стоянку, и в то же время мы не знали здешних вод и не могли на своей шлюпке высадить на берег гостей. Пришлось поднять якорь и трогаться в путь с полутора десятком новых пассажиров. Сами они ни капли не волновались, словно так и надо. Накормив ужином команду, кок накрыл стол для шестнадцати пасхальцев. Они налегли на угощение, но вскоре ринулись к фальшборту, потому что началась качка. Подойдя опять к берегу, мы отдали якорь под прикрытием той же скалы, что накануне, однако нам и здесь не удалось избавиться от непрошенных пассажиров. Стемнело, начал накрапывать дождь. Впустить этих пиратов на ночь в каюты? А потом считай пропажи... В конце концов я предложил им выбирать: либо они спят на люке на палубе, либо сами гребут к берегу на нашем алюминиевом плоту, в два захода управятся. Они выбрали второе, и мы спустили на воду плот. Но тут вдруг выяснилось, что каждый хочет плыть во второй заход. Видно, сегодня нам их спровадить не получится. Веселые и сытые пасхальцы извлекли откуда-то гитару и принялись отплясывать хулу на фордеке. Получилось здорово! Команда давно не сходила на берег и не знала никаких развлечений, и при звуках зажигательной музыки все оживились. Раз уж гости все равно остались на борту, давайте веселиться. Под аккомпанемент гитары и хлопающих ладоней зазвучала песня, а судовой фонарь создавал полную иллюзию сценического освещения.

– Те тере те вака те Хоту Матуа!..

Веселые пираты заразили своим беспечным настроением и ученых, и моряков, и вот уже все, как могут, подпевают и притопывают ногами.

Внезапно появился бургомистр. Мокрый и продрогший он сидел в маленькой лодке и с ним еще три приятеля. Поторговавшись, мы договорились, что пустим эту четверку на борт, а они за это отвезут шестнадцать пассажиров на берег. А чтобы никому не было обидно, всем разрешили еще час провести на судне. Бургомистр с радостью согласился и поднялся с друзьями на борт. Поблагодарил за то, что мы позволили первому отряду задержаться еще на час, и, не мешкая, спросил, нельзя ли его четверке тоже получить угощение, какое получили другие.

– Можно, – ответил я дипломатично. – Потом, как только те шестнадцать будут на берегу.

С довольным видом бургомистр пошел к музыкантам и с полминуты помогал отбивать такт. Затем сорвался с места, подбежал ко мне и заявил, что надо немедленно отправлять домой остальных, не то они в пути промокнут и озябнут.

Сколько я за них ни заступался, ни доказывал, что до конца условленного времени еще далеко, ничто не помогало. Бургомистр крикнул музыкантам, чтобы кончали играть. Тогда я изменил тактику.

– Кстати, можете поесть сейчас, если хотите, – предложил я. Он сразу забыл о музыкантах и напрямик отправился в камбуз к коку. И когда он выглянул, чтобы проверить, где остальные трое, его челюсти уже полным ходом работали.

Правда, бургомистр сдержал слово, через час лодка направилась к темному берегу. В ночи разносились музыка и смех, банкет прошел успешно.

– Охой! Те тере те вака те Хоту Матуа...

Вот как получилось, что на следующее утро, когда мы подошли к долине королей, на столе в нашей кают-компании спал сам бургомистр Пупа Земли.

Глава третья

По вулканическим туннелям

В Анакенской долине было безлюдно, когда наш первый маленький отряд начал подыскивать хорошее место для палаток на прибрежной площадке. Однако вскоре на пригорке показался всадник. Он подъехал ближе, это был местный пастух. Соскочив с коня, он подошел к нам и поздоровался. Пастух жил в побеленном каменном домишке в западной части долины, на его попечении были все овцы в этой части острова. Услышав, что мы задумали поселиться в Анакенской долине, он сразу указал на небольшой каньон с просторными пещерами. Дескать, это пещеры Хоту Матуа, в них некогда жил первый король и его спутники, подлинные первооткрыватели острова. Потом они поставили себе большие камышовые хижины.

Островитянин говорил о Хоту Матуа, как англичане говорят о королеве Виктории. Он не допускал и мысли, чтобы кто-то не знал Хоту Матуа, который для пасхальцев является альфой и омегой, чем-то средним между библейским Адамом и Колумбом.

Я объяснил, что нам незачем занимать пещеры, у нас есть с собой готовые хижины из непромокаемого материала. Тогда пастух указал в противоположном направлении.

– Если у вас палатки, можете спать вон там, повыше пляжа, где стояла хижина Хоту Матуа, – сказал он и проводил нас к ровной площадке у подножия куполовидного пригорка.

Здесь всюду сохранились следы былого величия. Посреди береговой излучины и на обоих флангах лицом к морю расположились три алтаря из огромных каменных блоков. Они стояли

над самым пляжем, и можно было бы принять их за укрепления, прикрывающие равнину от вторжения с моря, если бы рядом не лежали на песке огромные фигуры из серо-желтого камня, свидетельствуя, что кладка служила опорой для них.

Они лежали ничком, головой внутрь острова – значит, до свержения идола стояли спиной к морю, лицом к открытой культовой площадке. Вдоль центрального алтаря лежало бок о бок несколько павших богатырей, а по соседству валялись венчавшие их громадные цилиндры из ржаво-красного камня. На высокую мощную кладку в восточной части залива опиралась в прошлом лишь одна статуя, зато она, хоть и уткнулась теперь носом в землю, казалась намного дороднее своих стройных родичей с соседней террасы. Подле этого великана и жил некогда сам Хоту Матуа. Пастух благоговейно показал на мощный фундамент, который еще возвышался над землей. Дальше виднелась своеобразная пятиугольная печь, там прежде находилась королевская кухня.

Уж здесь-то мы, несомненно, будем копать! И мы разметили лагерную площадку по соседству, на культовой площадке возле головы поверженного идола. Пастух внимательно следил за нами и до тех пор твердил, что тут в древности жил король, пока не уверился, что мы все полностью осознали, где находимся. Получил пачку сигарет и весьма довольный отправился по своим делам.

Скоро мы начали свозить на берег снаряжение. Поначалу вместе с двумя пасхальцами обследовали залив на алюминиевом плоту. Оказалось, что середина бухты свободна от подводных камней и прибой там несильный. Первым высадили кинооператора с его аппаратурой. Потом пошли обратно к катеру, стоявшему на полпути между берегом и судном. Вдруг мы увидели, как огромный вал вскинул катер на гребне. Его команда тотчас пустила мотор и взяла курс в море, спеша уйти от нового вала, который обещал вырасти еще больше предыдущего. Мы изо всех сил налегли на весла и благополучно перевалили через первую волну, но следом, круто вздымаясь вверх, катила вторая. Плот полез прямо на отвесную водяную стену и опрокинулся. Меня крепко стукнуло по голове, и я живо нырнул, пока понтоны не наподдали мне еще сильнее. Зажмурился, чтобы их не засорило взмученной водой, я плыл вглубь, сколько хватило дыхания. Когда я, наконец, вынырнул, уже за перевернутым плотом, море опять выглядело нормально.

Хорошо, что этот урок мы получили, прежде чем начали перевозить ценное снаряжение. Правда, столь огромные валы были редкостью, но нам приходилось остерегаться крутых волн, которые совсем некстати врывались в Анакенскую бухту. Чтобы они нам не портили дело, пришлось перед полосой прибоя поставить на якорь наш самый большой спасательный плот в качестве своего рода плавучего мола. Катер подвозил сюда груз с судна, затем все перегружалось на маленький плот, и, если не было видно опасных валов, он шел с накатом до самого пляжа. Так было налажено сообщение между берегом и судном. Катер вызывали с корабля гудком, с берега – флажками. Последний этап, в зоне прибоя, всегда был отмечен бранью, смехом и промоченными штанами. Частенько разгулявшиеся волны вынуждали кока и стюарда доставлять на берег свежий хлеб вплавь в непромокаемых резиновых мешках. Но хотя вода была холодноватая и малопрятная, зато пляж встречал нас ласковым теплом, и мы отлично себя чувствовали в солнечной долине королей. Одна за другой в Анакене выросли зеленые палатки, и вот уже возник мирный поселок на культовой площадке между поверженным богатырем и родовым поместьем Хоту Матуа. Наши пасхальские друзья, помогавшие перевозить снаряжение на берег, были поражены, когда увидели, где мы разбили лагерь. Бургомистр взволнованно вздохнул и торжественно произнес:

– Сеньор, как раз там Хоту Матуа тоже построил свой первый дом. Видите, вон – фундамент, а вон – кухня.

Опять нам долго вколачивали в голову этот факт, однако никто из пасхальцев не порицал наш выбор, и они охотно помогали ставить палатки. Прежде чем стемнело, один из них поймал

несколько бродивших на воле коней, затем наши помощники попрощались и поскакали без седел в деревню.

В ту ночь я уснул поздно. Лежа, я глядел на лунный свет, просачивающийся сквозь тонкий зеленый брезент у меня над головой, и слушал, как волны бьются о берег там, где ступил на остров Хоту Матуа. Какое судно было у него, на каком он языке говорил? Как выглядела тогда эта долина, был ли здесь лес, как на всех других островах Южных морей? Может быть, это род Хоту Матуа, заготавливая бревна и дрова, в конце концов свел весь лес и сделал остров таким, каков он сегодня: все холмы без единого дерева, так что негде укрыться от солнца? Меня несколько тревожило это полное отсутствие леса и кустарника. Вдруг в самом деле окажется, что мы зря ехали делать раскопки на остров Пасхи, ведь если он всегда был таким, как теперь, то не было растений, от гниения которых из года в год прибавляется почвенный слой. Исключая дюны на берегу и овечий помет среди камней, земля как будто та же, что во времена Хоту Матуа, такая же голая и сухая. В самом деле, если уж фундамент королевского дома видно до сего дня и он служит чуть ли не туристской достопримечательностью, то почвы здесь с воробьиный нос – и столько же надежд открыть что-нибудь новое. С берега донесся гул двух-трех особенно мощных волн, и я погладил шишку на голове. Нет, раз мы сюда добрались, не отправимся дальше, на другие острова, пока не убедимся, что здесь бесполезно копать.

Археологи первые дни занимались рекогносцировкой в разных концах острова, остальные члены экспедиции продолжали перевозить снаряжение с судна и вели подготовительные работы. На острове не было ни одного ручья, но дно кратеров трех вулканов занимали болота и окаймленные камышом окна чистой воды. Дрова и питьевую воду приходилось возить за пять километров из Ваитеа – так называлась овцеферма, расположенная на пригорке посреди острова. Здесь насажена эвкалиптовая роща, и сюда из вулкана Рано-Арои подается по трубам питьевая вода. Губернатор одолжил нам здоровенную баржу кустарного производства, пасхальцы привели ее к судну, и в один тихий день мы на ней свезли на берег экспедиционный джип. Теперь у нас было на чем возить воду и дрова. На Пасхи сохранились участки древних дорог, а в наши дни заведующий овцефермой расширил дорожную сеть, отбросив тут и там в сторону камни, так что можно пересечь на джипе весь остров, длина которого около пятнадцати километров.

С помощью патера Себастиана и губернатора мы раздобыли и коней, и самодельные деревянные седла. Даже у самого бедного пасхальца есть по меньшей мере одна верховая лошадь, здесь никто не ходит пешком, потому что земля усеяна коричневым и черным вулканическим шлаком, местами так плотно, что только конскому копыту и пройти. Здешние дети, едва научившись ходить, уже осваивают верховую езду, и мы частенько видели, как по три малыша вместе скачут через камни на одном неоседланном коне – задний держится за среднего, средний за переднего, а передний цепляется за гриву.

Вдоль побережья попадалось много древних колодцев, вырытых подлинными мастерами и выложенных обтесанным камнем. Здесь первые жители острова научились пить солоноватую воду, которую находили, примечая, где в море вливаются ключи. Теперь в этих местах стоят ветряные мельницы и качают воду для овец; мы поили тут лошадей и брали воду для стирки.

Наш боцман, он же искусный плотник, сколотил полки и столы для большой палатки-столовой. Стены из проволочной сетки защищали нас от давно завезенных на остров мух, позволяя спокойно работать и есть.

– Придется все-таки опустить брезент с наветренной стороны, – сказала Ивонн. – А то сквозь сетку пыль пробивается.

– Пыль? Здесь на острове?

– Да, посмотри, – она провела по полке указательным пальцем, остался ясный след.

Я с восторгом смотрел на этот след. За несколько сот лет получился бы изрядный слой, не скоро сотрешь! Кажется, все-таки есть смысл вести раскопки на острове Пасхи! Может быть,

именно отсутствие леса помогает ветру точить скалы и, будто снегом, осыпать мелкой сухой пудрой равнину. Большую часть, конечно, уносит в море, но и в траве, надо думать, что-нибудь застревает.

Вернувшись из разведки, археологи сообщили немало интересного. Они видели древнюю каменную кладку и решили ее исследовать, так как было похоже, что на острове до прибытия европейцев сменились две культуры. А чтобы получше ознакомиться с местными условиями, мы решили, что археологи, прежде чем браться за большие задачи, проведут раскопки вблизи лагеря в Анакене.

Выбор пал на пятиугольную печь Хоту Матуа и напоминающий лодку фундамент рядом с ней.

Для такой работы используют не кирку и не заступ, а особую маленькую лопатку, которой очень осторожно скребут землю, углубляясь миллиметр за миллиметром, чтобы не повредить находки. Снятую лопаточкой землю просеивают сквозь тонкое проволочное сито, в нем остается все, что может представлять интерес. Мы тщательно измеряли глубину раскопа, ведь чем глубже зарываешься, тем древнее то, что находишь.

Под самым дерном лежал осколок старинной каменной чаши вместе с наконечниками для копий и другими острыми орудиями из черного обсидиана. Дальше археологам стали попадаться обломки рыболовных крючков, как из человеческой кости, так и из великолепно отполированного камня. Углубившись сантиметров на тридцать в землю рядом с печью Хоту Матуа, они наткнулись на какие-то камни, расчистили их и увидели пятиугольную печь такого же точно вида, как лежащая наверху. Но если верхнюю печь сложил родоначальник пасхальцев Хоту Матуа, то кто же до него готовил себе пищу таким же способом? Островитяне недоумевали, они, как и все приезжавшие на остров, приписывали первую печь и фундамент Хоту Матуа, ведь он точно жил тут. Продолжая скрести землю, мы находили все новые обломки рыболовных крючков, ракушки, осколки костей, древесный уголь и человеческие зубы. Уже и вторая печь осталась далеко наверху, мы решили, что добрались до древних слоев. И тут Биллу попала чудесная голубая бусина венецианского стекла. Он ее опознал – такими бусинами расплачивались европейцы при меновой торговле с индейцами двести лет назад. Выходит, мы находимся еще в эпохе первых европейских посещений! Бусина могла попасть на остров самое раннее в пору открытия его Роггевеном: то есть мы дошли пока лишь до 1722 года.

Обратившись к судовому журналу Роггевена, мы прочли, что первый островитянин, поднявшийся на борт его корабля, был вознагражден двумя нитками голубых бус, зеркальцем и ножницами. Вполне естественно допустить, что несколько бусин могли очутиться в обители короля в Анакене. Копая дальше, мы вскоре наткнулись на сплошную гальку без каких-либо следов деятельности человека.

Во всяком случае, теперь было ясно, что есть прямой смысл вести раскопки на безлесном острове Пасхи. Можно приниматься за дело всерьез. Только надо было нанять островитян, потому что для некоторых намеченных нами объектов требовалось больше людей, чем мы могли выделить из состава экспедиции.

В эти первые дни мы почти не видели островитян. Опасаясь краж и недоразумений, патер Себастиан упросил нас объявить лагерь табу для всех пасхальцев, у кого не было особых поручений. Помешать нашим ребятам знакомиться с веселыми вахинами было невозможно, патер отлично это понимал, и он предложил: если ребята захотят повеселиться, пусть едут сами в Ханга-Роа, не то очень скоро вся деревня переберется к нам. Мы согласились и натянули веревку вокруг лагеря, она как бы обозначала границу запретной области. Эффект был в общем и целом поразительный. Правда, не считая горстки пастухов, мало кому позволялось бродить в этой части острова. Ведь стоило пасхальцам выйти за деревенскую ограду, как они непременно пользовались случаем стащить овечку-другую. Однако на таком маленьком острове трудно ограничить свободу передвижения.

В одну из первых ночей возле лагеря пропали две канистры, а кто-то срезал и унес отличную веревку, которой мы обнесли лагерь. Патер Себастиан считал, что ее присвоили для оснастки одной из лодок, подготовленной для побега в океан. После этого губернатор прислал Касимира и Николаса, чтобы они дежурили вокруг лагеря. Это были деревенские полицейские. Насколько Николай был толст и дороден, настолько же старик Касимир был тощ и высок и к тому же удивительно похож на сутулое чучело с кривыми коленями, излюбленный предмет резчиков острова Пасхи. Не будь эта фигурка известна еще во времена капитана Кука, можно было бы заподозрить Касимира в том, что он для нее позировал. На боку у него висел в громадной кожаной кобуре старинный револьвер, и стоило Касимиру увидеть кого-нибудь из своих соплеменников независимо от пола и возраста, как он принимался кричать и размахивать револьвером, пока виновный не исчезал за пригорком в облаке пыли. А сутулый старик, пошатываясь, шел в запретную зону и садился в тени палаток.

Мы полюбили старого Касимира. Правда, он казался придурковатым, но зато был на редкость кроткий и добрый человек. О Николасе тоже ничего худого не скажешь, но к нему почему-то не было такого сочувствия. Делясь с ними обедом, мы самое вкусное всегда отдавали худящему Касимиру, ему в жизни не приходилось так сеть, и карманы его были набиты драгоценными сигаретами. Старик чувствовал себя как на седьмом небе, и лень все чаще его одолевала. Знай себе лежит, потягивается у палатки со своим чудовищным револьвером. Настал день, когда он решил как-то отблагодарить нас за угощение. Пробравшись в мою палатку, Касимир вполголоса сообщил, что на острове птичеловеков есть пещера с «важными предметами». Еще мальцом он побывал там вместе с отцом и еще несколькими мальчишками; отец попросил ребят обождать, а сам ушел за скалу и забрался там в тайную пещеру. Касимира не видел входа, он был закрыт камнями, но, если я отвезу его туда на нашей лодке, так, чтобы никто в деревне об этом не знал, он покажет, где стоял в тот раз. И если я найду пещеру, мы поделим сокровища. Глаза старика светились...

Я не принял всерьез его слова. Такие же предложения слышали и участники экспедиции Рутледж, и патер Себастиан. Стоило завоевать доверие пасхальцев, и непременно среди них оказывался охотник показать место, где находилась тайная пещера, надежно скрытое хранилище старых деревянных дощечек с письменами – ронго-ронго, как называют их островитяне.

В музеях мира собрано всего два десятка таких дощечек, поэтому им нет цены, и пасхальцы отлично это знают. Но всякий раз, когда доходило до того, чтобы посетить пещеру с ронго-ронго, поход выливался в бесплодные поиски, найти потайной вход было невозможно. Туземцы объясняли это тем, что пещеру завалил оползень или обвал.

И вот наше первое воскресенье на острове.

Патер Себастиан намекнул, что рад будет видеть нас в церкви, если мы захотим послушать пение пасхальцев. Поэтому я собрал всех членов экспедиции, как научных работников, так и моряков, и объяснил, что в Полинезии церковь играет особую роль. Это не только столп, на котором зиждется мировоззрение островитян, получающих здесь некий заменитель своей древней веры в Тики и Маке-Маке. Церковь – общественный центр, единственное место, где туземцы собираются вместе, надев свои лучшие наряды, ведь на уединенных островах Полинезии нет ни клуба, ни кино, ни рыночной площади. И если в воскресенье вы не придете к ним, потом можете вообще не приходить, островитяне привыкли фанатично относиться к своей церкви и отказ прийти воспринимают как демонстрацию, враждебный выпад. На одних островах жители протестанты, на других – католики, мормоны или адвентисты в зависимости от того, какой миссионер первым туда попал и выстроил церковь. Неискушенный гость может нечаянно задеть чувства туземцев.

– Я атеист и никогда не хожу в церковь, – сказал Карл, – но если это, по-твоему, нужно, я охотно пойду с вами.

И мы всем гуртом – атеисты, протестанты, католики – двинулись кто верхом, кто на джипе через холмы к деревенской церквушке патера Себастиана.

Перед ней собралось уже все население – белые рубашки, пестрые платья, все постирано, выглажено ради воскресного дня. Вместе с благоговейно настроенными мужчинами и женщинами, детьми и взрослыми, старцами и новорожденными, даже еще не родившимися малютками мы вошли в необычную, без башни, церковь. Солнечная деревня опустела, зато церковь была битком набита, сидящие с краю еле-еле умещались на скамейках. Впрочем, и сюда тоже проникло солнце. Его лучи пучками пробивались сквозь щели под потолком, освещая веселые краски и веселые лица, да и пичуги проникали внутрь и с беззаботным щебетанием порхали между балками. Патер Себастиан надел поверх белой сутаны широкую весенне-зеленую мантию. Кряжистый, добродушный, с пышной бородой, он напоминал доброго дедушку. Царила приподнятая атмосфера, как в опере. Главным было пение. Псалмы исполнялись на полинезийском языке, большинство – на мелодии старинных местных песен. Все до единого пели, кроме нас. Мы слушали и не могли наслушаться: так ладно и так звонко умеют петь только туземцы Южных морей.

Богослужение патера Себастиана отличалось простотой, проповедь была мудрой и ясной. Наши друзья – «пираты» и их веселые вахины слушали его так же увлеченно, как дети смотрят ковбойский фильм. Патер обратился с приветственным словом к нам, чужестранцам, и пожелал успеха экспедиции, а всех островитян призвал всячески помогать нам, дескать, мы, хотя и придерживаемся иной веры, все равно христиане и у нас общие идеалы.

С этого дня мы стали как-то ближе пасхальцам; раз патер Себастиан нас одобрил, значит, мы люди достойные.

После богослужения членов экспедиции ожидал чудесный обед у губернатора. Помимо хозяев и патера Себастиана мы здесь встретили почти всех белых поселенцев: двух монахинь, работающих в лепрозории к северу от деревни, чилийца – капитана авиации, который искал место, где можно построить аэродром для трансокеанской авиалинии, и двух помощников губернатора. Не хватало только деревенского врача и учителя. Этих двоих мы еще ни разу не видели, даже в церкви, и я заметил, что губернатор, жаловавшийся на порок сердца, обратился за помощью к нашему доктору.

Вечером, когда мы направлялись домой, нас остановил на дороге коренастый мужчина с чернухими глазами и жесткими черными волосами. Это и был деревенский врач. Он пригласил нас всех посмотреть хулу; понятно, никто не стал отказываться. Пляски происходили в домике сестры бургомистра, причем там набилось столько народу, что кому-то пришлось вылезть в окна, чтобы мы смогли войти в дверь. Я с ужасом увидел, что по кругу ходит огромный кувшин с жидкостью цвета виски, которую наливали в стаканы, но это была всего-навсего агуа пуро, «чистая вода», собранная с крыши. Тем не менее в комнате было очень весело, звучали шутки на четырех языках и громкий хохот, когда вахины приглашали на танец смущенных моряков и неуклюжих ученых и те корчились, как уж на сковородке. От шума и возни, наверно, рухнули бы стены, если бы снаружи их не подпирало еще больше людей, жаждавших хоть одним глазком заглянуть в окна. Четверо гитаристов играли и пели. В разгар веселья деревенский врач протиснулся ко мне, ему не терпелось обсудить со мной важные политические проблемы.

– Моя цель – открыть этим людям окно в мир, – сказал он.

«В самом деле, не худо бы, – подумал я, – скоро тут совсем нечем будет дышать». Но врач подразумевал другое, и мне пришлось выйти с ним наружу, чтобы выслушать его излияния.

Оказалось, что он и учитель стоят в оппозиции к остальным белым на острове.

– У нас в жилах течет индейская кровь, – он показал на свои сверкающие черные глаза. – Мы хотим, чтобы островитяне покинули этот остров и познакомились с жизнью на материке.

«А патер Себастиан этого не хочет», – подумал я. Он боится, что они, получив неограниченный доступ к спиртному, живо сопьются. Боится, что их там будут нещадно эксплуатировать, а они пропадут.

– Мы хотим поднять их жизненный уровень до современных требований, – продолжал деревенский врач. – Хотим, чтобы все босые обулись.

«А патер Себастиан считает это неразумным», – думал я. Я сам однажды слышал, как он говорил, что местные жители, не знающие ботинок, лучше кого-либо перемещаются по здешнему каменистому грунту, которого никакая обувь не выдерживает. Кое-кто пробовал ходить в ботинках, так у них кожа на ступнях быстро становилась нежной, и, разбив обувь, они потом резали себе ноги в кровь.

«Похоже, у каждого из этих вопросов есть две стороны», – заключил я. Причем мнение патера Себастиана основано на опыте целой жизни, а этот молодой врач прибыл на остров с последним кораблем.

– Будете уходить, дайте музыкантам тысячу песо, а еще лучше пятнадцать долларов в твердой валюте, – сказал врач и добавил: – Они этого ждут.

– Но ведь вся компания угощается нашим шоколадом, и курит наши сигареты, и веселится вместе с нами, – возразил я.

– Разве вы в Европе не платите оркестру, когда приходите на танцы? Если вы ничего не дадите музыкантам только потому, что они местные, в другой раз вас никто не пригласит.

Я потихоньку собрал своих ребят, мы поблагодарили всех и отправились к себе в лагерь. Мы ничего не заплатили, но в приглашениях на хулу в деревню Ханга-Роа не было недостатка, пока мы находились на острове.

Мы набрали изрядное количество местных рабочих. Одни ночевали в деревне и приезжали каждое утро верхом, другие перебрались в пещеры по соседству с раскопками. Чтобы высвободить побольше наших собственных людей, мы наняли также четырех женщин, которые помогали в лагере с уборкой и стиркой. Одна из них, Эрория, была чудесным человеком и неутомимой труженицей. На первый взгляд она могла показаться мрачной и суровой, но стоило ей улыбнуться, и грозовая туча исчезала, грубоватое лицо Эрории сияло ярче солнца. Вот уже много лет она работала домоправительницей патера Себастиана и показала исключительную добросовестность, за что ей теперь и был поручен присмотр за лагерем. Как ни удивительно, Эрория и ее престарелая золовка седая Мариана слыли на острове самыми рьяными охотниками за пещерами. Вооруженные стеариновой свечкой и железным крюком вместо лопатки, они неутомимо разыскивали древние жилые пещеры, в полу которых откапывали каменные топоры и костяные орудия своих предков для коллекции патера Себастиана.

– Только в пещерах и можно что-нибудь найти, – сказал патер Себастиан. – Возьмите с собой Эрорию и Мариану, пусть они покажут вам все старые пещеры, которые нашли.

Дождавшись, когда мои товарищи развернули раскопки, мы оседлали четырех коней, на которых Эрория, Мариана, наш фотограф и я отправились исследовать пещеры. В первый день мы с раннего утра до позднего вечера ходили из одного подземелья в другое. В некоторые из них, совсем открытые, попасть было просто, нагнул голову – и входи. У других вход был тщательно заложен камнями, оставалось только небольшое квадратное отверстие, хочешь войти – опускайся на четвереньки. Но большинство пещер представляли собой настоящие мышеловки, даже на четвереньках не проникнешь. Просовывай в щель прямые ноги, а затем, вытянув руки над головой и извиваясь по-змеиному, протискивайся через длинный и чудовищно тесный ход. Эти ходы были искусно выложены камнем, нередко – тщательно обтесанными плитами. Они пронизывали склон по горизонтали или наклонно, но были и такие, что шли вертикально вниз, словно дымоход, – знай притормаживай бедрами и плечами, пока сквозь потолок не попал в темную, хоть глаз выколи, полость. Чаще всего эти пещеры были такие низкие, что в них можно было стоять лишь пригнувшись, а то и вовсе только сидеть на корточках. В таких подзе-

мельях обитали в прошлом пасхальцы, во всяком случае в тревожные, смутные годы, когда не могли чувствовать себя в безопасности в камышовых хижинах на воле. Здесь они скрывались от европейцев. Обычно эти подземные убежища были размером со среднюю ванную комнату, и там царила такая темнота, что собственной руки не видно. Пол – холодная земля, толстый слой жирной почвы, удобренной многочисленными отбросами, и плотный, как крышка, потому что тысячи рук и ног его утрамбовали. Потолок и стены – голая скала, кое-где выровненная искусной кладкой.

В одном месте мы попали в нечто вроде огромного колодца с каменной облицовкой. Через узкую дыру на дне можно было проникнуть в три пещеры, лежащие уступом друг над другом. Эрория показывала их нам с особым благоговением, здесь жил ее дед, это была, так сказать, ее «родовая усадьба». Мариана и Эрория основательно изрыли пол пещеры своим железным крюком. В разрыхленной почве мне попался отпиленный кусок человеческой кости с отверстием в одном конце, чтобы можно было повесить на шею как амулет.

Ближе к побережью Мариана показала нам заросший травой фундамент старой камышовой хижины, остатки которых встречались нам очень часто. Здесь родился ее свекор, отец Эрории, и здесь он жил до тех пор, пока все обитатели острова не переселились в деревню Ханга-Роа, где их крестили.

«Выходит, пасхальцев крестили совсем недавно», – подумал я, глядя на одетых в брюки женщин, по виду и поведению которых могло показаться, что остров цивилизован со времен Ноя.

Фундамент очертаниями напоминал планшир большого вельбота. Заостренный с концов, он был сложен из умело обтесанных и даже красиво округленных плит с глубокими отверстиями в верхней плоскости. В отверстия вставляли прутья, они служили остовом, на котором укрепляли камыш. Если все эти хижины были обитаемы в одно время, население Пасхи достигало изрядной цифры. Мариана и Эрория нашли очень много жилых пещер. В большинстве из них они уже покопались железным крюком, но некоторые еще оставались «запертыми», иначе говоря, никто не бывал внутри с тех самых пор, как последние обитатели покинули подземелье и завалили вход обломками.

Но когда я в первый раз, будто змея, ввинчивался в томные подземелья острова Пасхи, у меня не было с собой даже спичек, а скользкий пол сулил неприятные сюрпризы, поэтому я предпочел стоять, как слепой, на месте и ждать во мраке. Напрягая слух, я услышал, что по шахте спускается вниз следующий. И вот уже Мариана рядом со мной и зажигает свой верный огарок. Да много ли толку от него. В недрах горы царил такой густой мрак, что я разглядел лишь искрящиеся глаза Марианы в окружении глухих морщин да шапку седых волос. Словно гротескное лицо в ночи за окном. Она и мне вручила огарок и зажгла его от своего. Держа свечи в вытянутой руке, мы различили в стене бугры и выступы. На полу лежали черные наконечники от копий. Тут и Эрория появилась, она долго пыхтела и шумела, но все же одолела шахту. Женщины рассказали мне, что это не обычное жилье, а убежище на случай войны – сюда не мог проникнуть враг. М-да, судя по толщине утрамбованного слоя мусора на дне пещеры, войн было много, и длились они подолгу. Я не мог понять, как люди отваживались заползать в такие крысоловки во время войны, ведь противнику достаточно было набросать камней в шахту, чтобы заточить их навеки. Может быть, тайна их спасала? Лишь бы никто не проведал об убежище, а там – накрыл вход камнем, и не так-то просто будет найти беглецов.

В одной стене было отверстие, и я пролез в него, сопровождаемый Марианой и Эрорией. Мы очутились в другой, более просторной пещере, а протиснувшись сквозь ход в ее задней стене, попали в подземную полость, где свод был так высоко над нами, что мы не видели его при свечах. Путешествие в недрах горы продолжалось. Местами было широко и просторно, как в железнодорожном туннеле, потом приходилось ползти на четвереньках по камню и глине или даже извиваться на животе, пока свод не поднимался, образуя новые обширные залы. Обо-

рачиваясь, чтобы проверить, поспевают ли мои спутницы, я каждый раз видел лицо Марианы. Она шла за мной по пятам, боясь хоть на шаг отпустить от себя. Мариана учила меня остерегаться расшатавшихся камней в своде, ям и трещин в полу. В одну из полостей откуда-то просачивалась вода, и путь нам пересек ручей. Мы последовали за ним в боковой ход. Здесь люди вырубили в камне желоб, он вел к искусственным водоемам не больше таза. Я ополоснул руки в нижней яме, а в верхней набрал ладонями воды и напился. Холодная, прозрачная, вкусная – в сравнении с водопроводной водой будто изысканное вино. Что ж, пожалуй, эти пещерные жители разбирались в прелестях хорошей воды лучше нас, привыкших к третьесортной влаге из железной трубы.

В толще горы пещера многократно разветвлялась, и самые дальние ходы представляли собой тесные катакомбы с ровным полом и гладким, без малейших неровностей, сводом. Так и чудилось, что тут приложил руку человек, на самом же деле это оставили свой след огромные пузыри вулканического газа, которые пробивались сквозь огненное месиво в ту далекую пору, когда остров Пасхи представлял собой сплошную расплавленную лаву. Местами туннели сужались так, что облекали тело, словно сшитый в обтяжку костюм, тогда мы подолгу ползли на животе. Одни из них приводили к небольшим пустотам в виде колокола, другие были закупорены камнями, третьи сами сжимались, не пуская нас дальше.

Мы посетили немало обширных подземелий, которые, словно бусины на шнуре, были нанизаны на уходящие в недра каналы. В каждом случае выход на поверхность был искусно выложен камнями так, что внутрь можно было попасть только через узкие, в одно или несколько колен, ходы – никакому противнику не пробраться. Во многие из самых больших пещер просачивалась вода, и дважды мы видели запруды, а в самой глубине третьей пещеры нашли облицованный колодец с ледяной водой, и пол вокруг него был вымощен камнем, да еще на три метра возвышалась каменная терраса.

В этих вместительных убежищах могло укрыться все население острова Пасхи, однако, судя по всему, каждый ход принадлежал одному роду или родовой группе в ту пору, когда из-за кровавых усобиц островитяне чувствовали себя в камышовых хижинах ненадежно.

Бродя по этим темным помещениям, я думал о том, как неразумно устроились обитатели этого солнечного островка, уйдя под землю, вместо того чтобы жить на поверхности в мире со своими соседями. Но тут мне вспомнился наш собственный мир – ведь и мы в двадцатом столетии тоже со страху роем себе убежища глубоко под землей, с тех пор как затеяли возню с атомной бомбой. И я простил непросвещенных предков Эрории и Марианы.

Сытый по горло глухими подземными закоулками, где видения прошлого смыкались с картинами будущего, я полез через извилистый проход вверх и почувствовал невыразимое облегчение, очутившись на воле, в солнечном настоящем, где паслись овцы да кони стояли, слушая голос прибоа.

Восемьдесят минут ушло у нас на то, чтобы пройти и проползти по всем ходам первой большой пещеры, и, только выйдя наверх, мы вновь увидели нашего оператора. Выяснилось, что он натерпелся страху. На полпути вниз его одолел в шахте приступ клаустрофобии, и он предпочел выбраться обратно, чтобы ждать нас наверху. На предыдущие пещеры мы тратили по несколько минут, ведь речь шла пока лишь об осмотре, а не раскопках. И когда прошла четверть часа, оператор встревожился, сунул голову в ход и позвал нас. Не получив ответа, он не на шутку испугался. Долго он звал и аукал, так что гул стоял в туннеле, но его услышал только старик Касими́ро, который примчался откуда-то со своим револьвером и вместе с оператором простоял у входа, пока мы не вылезли наружу.

Последней выбралась Мариана. Она подошла к камню и взяла с него свою соломенную шляпу с широченными полями. Мариана советовала нам всегда брать с собой шляпу или что-нибудь еще, чтобы оставить около пещеры, если мы в одиночку отправимся в подземелья. Она рассказала нам про чилийских моряков, которые в поисках клада забрались с местным провод-

ником в пещеру. У них погас фонарик, и, прежде чем они успели вернуться к шахте, кончились спички. В темноте они заблудились и не могли найти выход. Их спасло то, что они оставили на земле у входа свои бескозырки и куртки. Проходивший мимо островитянин увидел вещи и понял, что под землей кто-то есть.

Наши археологи раскопали пол в нескольких пещерах, где по буграм было видно, что жители оставляли отбросы. Они нашли множество рыбьих костей и раковин, попадались куриные кости, реже – черепашьи. Даже крысиное и человеческое мясо входило в стол; его жарили в земляной печи на раскаленных камнях. В этих пещерах жили каннибалы. Их двуногие враги были единственной дичью на всем острове, не считая маленькой местной крысы. Сидя в темноте у своих нехитрых каменных светильников, пещерные жители роняли в мусор на полу тонкие швейные иглы из человеческой кости, и этих игл со временем накопилось изрядное количество. Кроме того, мы нашли простейшие орудия из камня, кости и обсидиана, а также амулеты из кости и ракушек. Больше ничего. Мы недоумевали. Неужели руками этих запуганных, примитивных людоедов созданы преобразившие самый облик острова классические скульптуры гордых властелинов? Могло ли отсталое во всем племя дать столь гениальных строителей и выдающихся художников, какими были авторы этих исполинских памятников? И как можно было организовать переноску монолитов, если население не было собрано в деревне, а ютилось в обособленных камышовых хижинах или даже в разбросанных по острову тесных каменных норах?

Я влез в узкий ход, ведущий в пещеру, где Билл при свете керосинового фонаря осторожно рылся лопаткой в земле. Подле него лежал мешочек с обугленными человеческими костями.

– Все те же следы примитивной культуры, – сказал он, доставая из земли два коренных зуба. – Посмотри, эти вырожденные пожирали здесь друг друга и выплевывали зубы на пол.

На острове Пасхи человеческое мясо ели не только в связи с ритуалами. Пасхальцы до сих пор рассказывают предания о воинах, которые предпочитали человечину рыбе и цыплятам. И есть легенды, упорно говорящие о предшествовавшем тем временам периоде величия, когда бок о бок с предками нынешних островитян короткоухими мирно жило племя длинноухих. Но длинноухие слишком нещадно заставляли короткоухих работать на себя, и дело кончилось войной, почти все длинноухие были сожжены во рву. С того дня кончилось ваяние статуй, из уже воздвигнутых многие свалили. Гражданская война, родовые убоицы и каннибализм не прекращались до той поры, пока на острове не появился патер Эухенио и не собрал пасхальцев в деревне Ханга-Роа – тогда родители нынешних островитян сами еще были детьми.

Патер Себастиан был убежден, что на остров Пасхи прибыли два народа с различной культурой. И островитяне твердо стояли на этой версии. В своей книге патер указывает также, что пасхальцы во многом отличаются от обычных жителей Тихого океана, в частности здесь наблюдаются явные следы какой-то белой расы. Не только Рогтевен и другие ранние мореплаватели заметили это. Патер Себастиан указывает, что, по преданиям самих островитян, среди их дальних предков многие обладали белой кожей, рыжими волосами и голубыми глазами. И когда патер Эухенио первым из европейцев поселился на острове, его поразило, как много людей с белой кожей среди островитян, которых он собрал в деревне Ханга-Роа. Еще пятьдесят лет назад, когда прибыла экспедиция Рутледж, жители делили своих предков на две группы по цвету кожи, и они рассказали англичанам, что последний король на острове тоже был совсем белый. Светлокожие пользовались здесь особым почетом и уважением; как и на некоторых других островах Южных морей, были звания, которые можно было получить, только пройдя особый ритуал «отбеливания», чтобы возможно больше походить на своих обожествленных предшественников.

Настал день, когда патер Себастиан пришел в лагерь, чтобы проводить четверых из нас в Ана о Кеке, священное убежище, где некогда «отбеливали» неру. Так называли избранных

юных дев, которых в старину заточали в глубокое подземелье, чтобы они там стали как можно белее – это требовалось для определенных религиозных праздников. Девушки неделями не видели дневного света и других людей. Особо выделенные женщины приносили им еду и клали у входа в пещеру. Пасхальцы до сих пор помнят, что, когда возвращенные на остров рабы принесли с собой оспу, эпидемия не коснулась дев неру, но они умерли от голода в подземелье, так как некому было носить им еду.

Вход в девичью пещеру Ана о Кеке находится в крайней восточной части острова, а название означает «Пещера солнечногоклонения». По пути к ней мы миновали самый восточный вулкан острова – Катики, за ним возвышаются три вершины, на которых испанцы некогда поставили свои кресты. Здесь тоже была жилая пещера, а рядом с ней в скале вырублена устрашающая сатанинская голова с такой огромной пастью, что я забрался в нее и весь спрятался за нижней губой от стекающей сверху дождевой воды. Но патер Себастиан повел нас дальше, на самый край обрыва, который спадает в море по всей кромке возвышенного полуострова. Наш проводник так беспечно зашагал вдоль пропасти, что мы дружно стали кричать, чтобы он отошел от края.

Сильнейший восточный ветер гремел в скалах и рвал одежду, и мы с трудом удерживались на ногах, а патер Себастиан в развевающейся белой сутане и черных башмаках знай себе шагал над самым обрывом, выискивая нужное место. Вдруг лицо его осветилось улыбкой, и он торжествуя взмахнул руками: есть, нашел! Отломил кусок бурой породы – дескать, смотрите, какая рыхлая, тут надо быть начеку, потом решительно занес ногу над обрывом, ветер с шумом рванул сутану и капюшон, мы вскрикнули, и патер Себастиан исчез. Карл настолько опешил, что где стоял, там и сел, придерживая шляпу. Я осторожно подошел к краю и глянул вниз. Отвесная стопка и далеко внизу – полоска берега, медленно набегающий пенистый прибой и уходящий в бесконечность океан, весь в белых барашках. Стоял сплошной гул от ветра и волн. А на узкой полке слева я увидел белую сутану патера Себастиана. Ветер яростно трепал ее, но патер, плотно прижимаясь к скале, упорно продвигался наискось вниз.

До чего сильно дуло в этот день! Море кипело, и отраженный скалами ветер обрушивал на нас мощные порывы с самых неожиданных сторон. Я поймал себя на том, что беспредельно восхищаюсь старым священником, который не знал колебаний, он так сжился со своей верой, что страх ему был неведом. Казалось, он и по воде пройдет и не утонет. Вот он обернулся и, улыбаясь мне, сделал жест рукой вниз, потом указал себе на рот – дескать, надо захватить наши съестные припасы, мы перекусим там, внизу. От сильных порывов ветра меня так качало, что я предпочел, отступив от края, сперва снять рубаху и только потом взял свертки и отважился последовать за патером. Впрочем, подбравшись к полке, я уже не увидел ни его самого, ни хотя бы краешка белой сутаны, лишь бушующий прибой в двухстах метрах подо мной. Я никогда не был сильным скалолазом, а потому чувствовал себя далеко не уверенно, когда осторожно спустился на полку и, боясь дохнуть, двинулся следом за патером, крепко прижимаясь животом к скале. Шаг за шагом, шаг за шагом, каждый раз проверяя ногой прочность опоры. Но больше всего меня злил ветер. На моем пути вырос выступ, к тому же полку здесь отделяла от скалы трещина. Выветрившаяся порода больше напоминала землю, чем камень. Что ж, если она выдержала патера Себастиана, должна и меня выдержать... Я топнул ногой – не очень сильно.

Заглянув за выступ, я снова увидел патера. Он лежал в пещере, высунув наружу голову и плечи, причем вход был куда меньше входа в собачью конуру. Таким я и буду его помнить всегда – этакий пасхальский Диоген в бочке, очки с тонкой дужкой, широкие белые рукава и пышная борода. При виде меня он взмахнул руками и воскликнул:

– Добро пожаловать в мою пещеру!

Из-за шума я еле разобрал его слова. Затем он подался назад, освобождая место. Перебравшись на карниз у входа, от которого вниз до самого моря тянулась отвесная стена, я тоже

протиснулся внутрь. И сразу все пропало – гул прибоя, свист ветра. Вначале была страшная теснота, но скоро свод ушел вверх, и в чреве горы я почувствовал себя надежно, спокойно. Снаружи проникала полоска света, и мы могли различить друг друга, а включив фонарик, я увидел, что неровные стены испещрены мудреными знаками и фигурами.

Так вот она, девичья пещера. Здесь бедные девочки сидели неделями, может быть, месяцами, ждали, когда кожа у них побелеет и можно будет их вести и показывать людям. Высота свода не достигала и полутора метров, вдоль стен можно было рассадить от силы дюжину детей.

На секунду стало совсем темно, еще кто-то протискивался внутрь. Это был сопровождавший нас пасхалец. Патер Себастиан тотчас послал его за двумя остальными участниками похода – не совестно им мешкать, когда он, шестидесятивосьмилетний старик, уже указал путь. И вот мы сидим в кружок, закусьваем. Обратив наше внимание на отверстие в задней стене, патер Себастиан сказал, что через этот ход можно углубиться в гору еще на триста восемьдесят метров. Но это такое путешествие... Кто его один раз совершил, второй раз не захочет. Примерно на полпути начинается страшно узкий туннель, только-только одному человеку ползти, а за этим туннелем лежат части скелета и челюсти, словцо в погребальной пещере. И как только туда ухитрились доставить покойника – ведь толкать его впереди себя было невозможно, а тащить за собой – сам потом не выберешься.

Я надел рубаху, намереваясь двинуться дальше в глубь пещеры, но патер Себастиан только расхохотался: если бы я знал, что меня ждет! Да я с полдороги вернусь! И когда я все-таки полез в отверстие, за мной последовал лишь пасхалец.

За отверстием пещера разветвлялась, но ответвления тут же опять соединялись, образуя тесный лаз, где нам пришлось ползти. Потом свод ушел вверх, начался длинный просторный туннель, в котором мы даже смогли передвигаться бегом, чтобы сберечь время. Фонарик светил отвратительно, вполсилы, потому что батарейки истощились в лагере, и на всякий случай я нес в кармане огарок свечи и коробку спичек. Сберегая батарейки, я то и дело выключал фонарь, и мы пробегали, проходили или проползали отрезок, который успели разглядеть при свете. Понятно, при этом мы несколько раз бодали свод, так что по волосам и шее скатывались со стеклянным звоном каплевидные осколки. Уйдя довольно далеко от входа, мы попали в такое место, где под ногами лежала сырая глина. А свод начал опускаться, пока не принудил нас встать на четвереньки и так шлепать по грязи. Потом пришлось и вовсе лечь на живот и ползти, загребая воротом и штанами холодную грязь.

– Отличная дорога! – крикнул я назад.

Мой спутник, извивавшийся в грязи позади меня, отозвался какой-то шуткой. Хотя вообще-то здесь было неприятно. Теперь я понимал, о чем говорил патер Себастиан. Но если здесь прошел он, то нам как-то неловко сдаваться на полпути. В следующую минуту я чуть не передумал. Я наполовину погрузился в жидкую грязь, но свод опустился так низко, что дальше никак не пролезть. Фонарик водонепроницаемый, но как очистить стекло, когда сам купаешься в слякоти? Все же я разглядел, что ход сузился не только в вышину, но и в ширину, выбора просто нет. Патер Себастиан сумел протиснуться... Я нажал плечами и почувствовал, что, пожалуй, кое-как проберусь, если не станет еще теснее. Вспахивая грязь, со всех сторон ударяясь в камень, я джойм за джоймом продавливался сквозь щель. Хоть смейся, хоть плачь, и я не удержался, простонал «Отличная дорога» ползущему за мной бедняге, но его чувству юмора пришел конец.

– Плохая дорога, сеньор, – прохрипел он в ответ.

Пять метров тянулись эти тиски, которые не давали вздохнуть полной грудью, наконец, мы одолели игольное ушко и очутились в полости, где лежали части скелета. Здесь было сухо и сравнительно высоко до свода, можно опять не только карабкаться на четвереньках, но кое-где и бежать. Да, если несчастным неру хотелось поразмять ноги во время своего долгого заточения, их ждала отнюдь не романтическая прогулка при луне. От этой мокрой грязи я продрог и

весь окоченел, а когда посветил назад, проверяя, поспевает ли мой спутник, то увидел чучело вроде тех, которых дети лепят из глины. Одни зубы да глаза позволяли различить человека в окружающем нас мраке.

Ход заканчивался крутым и скользким подъемом, который вел к отверстию в своде. Не помню, сколько раз я съехал вниз на животе, прежде чем наконец вскарабкался и через отверстие проник в следующую камеру, которая формой напоминала колокол. Казалось, стены сглажены человеком, на самом же деле эту полость образовал пузырь вулканического газа. Патер Себастиан оставил здесь свечку. Мой огарок лежал в заднем кармане, и спина была еще сравнительно сухой. Я попробовал зажечь свечу патера, но она не хотела гореть, да и спички сразу гасли. По лицу градом катился пот, было тяжело дышать, я съехал с горки к ожидавшемуся меня «негру», и мы поспешили обратно, насколько можно было спешить при таком скверном освещении и низком потолке. То ползком, то бегом, похожие на двух жителей преисподней, мы продвигались вперед, наконец, добрались до игольного ушка, с веселой шуткой шлепнулись в грязь и начали протискиваться в щель. Пасхалец полз вплотную за мной, и мы медленно двигались вперед, чувствуя, как ребра сжимаются под неумолимым давлением горы, которая не хотела даже на волосок приподняться для нас. Если путь в недра был долгим, то обратная дорога показалась нам еще длиннее. Мы попытались шутить, ведь осталось совсем немного, но эта слякоть меня раздражала, все лицо было в поту, и я уже начал уставать. И воздух плохой... Мы замолчали, все силы были направлены на то, чтобы протискиваться вперед с вытянутыми руками и при этом уберечь фонарик от грязи.

Кажется, только что вроде было попросторнее? Во всяком случае сейчас опять стало теснее. Странно, что этот узкий ход еще продолжается, пора бы нам очутиться в наружном туннеле. Усталый мозг взвешивал эту мысль, пока тело упорно сражалось с тисками. Внезапно перед самым носом я увидел в слабом свете фонаря крутой изгиб. Тут явно не пролезть. Неужели с той стороны этот лаз преодолеть настолько легче, что я даже не задумался, как трудно будет возвращаться через него? Странно, почему он мне не запомнился. Напрягая все силы, я продвинулся еще чуть-чуть, чтобы заглянуть в отверстие, и, лежа в каком-то невыносимом положении, сдавленный миллионами тонн сверху и снизу, с ужасом увидел, что здесь никак не пролезешь.

– Дальше некуда, – сказал я пасхальцу, ползущему следом за мной. У меня все лицо было в поту.

– Продолжайте, сеньор, другого выхода нет, – простонал он в ответ.

Повернув голову, я еще на какую-то долю миллиметра втиснулся в щель между камнями. Потом направил вверх луч фонарика и убедился, что дальше ход намного уже моей головы, я ни за что не пролезу.

Я поспешил выключить фонарик, теперь надо было беречь каждую искорку света, нас ждали неприятности. Размышлять можно и в темноте. Казалось, могучий горный массив полуострова Пойке вдруг навалился на меня всем своим весом. Тяжело, ох, тяжело, и только хуже, если напрягаешься, лучше полностью расслабиться и сделаться возможно тоньше... Но гора все равно продолжала давить со всех сторон.

– Давай назад, – сказал я своему спутнику. – Дальше нельзя.

Он наотрез отказался и умолял меня протискиваться вперед, это единственный путь на волю из этой преисподней.

Нет, он ошибается. Я снова включил фонарь и, подавшись немного назад, осмотрел пол прямо перед собой. Какая-то смесь земли и сыроватой глины, видно ясный отпечаток моей рубахи и пуговиц, а там, куда я дотянулся руками, – отпечатки пальцев, но дальше суглинок и гравий явно не тронуты ни человеком, ни животным. Я снова погасил свет. Душно. Грудь стиснута. Пот течет ручьями. Может быть, древний ход обвалился от нашего продвижения или громкой речи? Но если свод обрушился, как мы пробьемся на волю, ведь землю и камни

некуда отгребать! Сколько мы продержимся в этом отвратительном воздухе, пока остальные сообразят, в чем дело, и сумеют пробиться к нам? А может, мы не туда забрались, попали в другой ход, оканчивающийся тупиком? Возможно ли это, если вся девичья пещера представляет собой один сплошной туннель, который в этой части чуть шире человека?..

Пасхалец пробкой лежал сзади, да еще напирал на меня, все тело облепила грязь, и гора продолжала давить своими миллионами тонн тем сильнее, чем больше я об этом думал.

– Давай назад! – крикнул я.

А пасхалец в панике продолжал напирать на мои пятки, ведь он не видел, какая впереди узкая щель, и не пропустишь его, чтобы он мог посмотреть.

– Назад! Назад давай!

Похоже, еще немного, и мой сплюснутый спутник потеряет разум от страха. Крича «Давай! Давай!», я начал брыкаться. Это подействовало, дюйм за дюймом он пополз назад, и я последовал за ним. Медленно, осторожно, не то зацепишься или голова застрянет! Больше всего я боялся за голову, она ведь не упругая, как грудная клетка. Вдруг стало просторнее. Я ничего не понимал, от духоты кружилась голова. Неужели вернулись к скелету? Я осветил и увидел перед собой две щели, причем правая изгибалась вверх.

Так вот где мы ошиблись, вместо правого хода полезли в левый! Я окликнул островитянина, который машинально продолжал отступать.

– Нам сюда! – крикнул я и опять полез в левый ход, и мой спутник все так же машинально последовал моему примеру.

Как глухо звучат в пещере наши голоса... Опять становится все теснее и теснее, да что же это такое! Включив фонарь, я увидел перед собой то же самое непролазное отверстие.

И понял, что у меня помутился разум. Ведь знал, что нам надо направо, и все равно второй раз полез в левую щель.

– Назад, – простонал я.

Теперь мы оба действовали как автоматы. Задом наперед выбрались обратно, причем я непрерывно твердил про себя: «Направо, направо, направо». Протиснулись в правый ход, и вот уже можно встать, бежать, ползти, в туннеле потянуло холодным свежим воздухом, и, наконец, мы через последнюю дыру выбрались в уютную пещеру с надписями на стене, где нас ждали наши друзья. До чего приятно было выйти из горы на волю, где шумел ветер! Приятно вновь увидеть слепящий солнечный свет и безбрежный простор за обрывом, море и небо, сколько угодно места!

– Что, сдались? – нетерпеливо спросил патер Себастиан, от души смеясь нашему виду.

– Нет, – ответил я. – Но теперь мне понятно, как в этой пещере мог очутиться скелет.

– Это называется, ты был в пещере для «отбеливания»? – удивилась Ивонн, когда я вернулся в лагерь. По моему виду этого нельзя было сказать. Я прошел прямо к воде и, не раздеваясь, бросился в волны.

Глава четвертая

Загадка великанов острова Пасхи

Если вы мечтаете о полете на Луну, можете для начала полазить по конусам потухших вулканов острова Пасхи. Мало того, что здесь вы будете бесконечно далеко от лихорадочной жизни нашего собственного мира, ландшафт тоже вполне сойдет за лунный. Маленькая приветливая Луна между небом и морем, покрытые травой и папоротником безлесные кратеры сонно зевают в космосе, позеленевшие от старости, давно уже утратившие пламенный язык и зубы. На острове сгруппировалось несколько таких мирных вулканов, зеленых снаружи и изнутри. Пора извержений прошла так давно, что на дне двух самых широких кратеров образовались небесно-голубые озера с ярко-зеленым гибким камышом, в которых отражаются гонимые пассатом облака.

В одном из этих кратеров, названном Рано-Рараку, лунные жители явно развили особенно кипучую деятельность. Их не видно, но, когда бродишь безмятежно по траве, осматривая брошенные ими дела, так и кажется, что они просто попрятались в черных норах в земле. Прервав работы, они поспешно бежали, поэтому Рано-Рараку оказался одним из величайших и удивительнейших памятников творения – это памятник неведомому и утраченному прошлому и предупреждение о бренности всего сущего. Гора местами сплошь иссечена, люди некогда врезались в вулкан с такой жадностью, словно это была сдобная булка, а ведь стальной топор лишь высекает искры, когда испытываешь им твердость скалы. Десятки тысяч кубометров камня отделены от горного массива и перемещены далеко в сторону от кратера. А в зияющих ранах в теле горы лежит больше полутораста каменных исполинов, от едва начатых до только что законченных. У подножия вулкана готовые идолы выстроились в ряды, словно целая

армия сверхъестественных существ, и чувствуешь себя таким крохотным, когда приближаешься к этой горе, будь то даже верхом или в джипе, по древней дороге, которую исчезнувшие ваятели проложили к своей гигантской мастерской.

Вы спешиваетесь подле скалы и вдруг видите в ее нижней части изображение человеческого лица – это не скала, а голова упавшего исполина. Вся экспедиция может укрыться под ней от дождя. Вы подходите к ближним фигурам, по грудь врытым в землю, и вам делается жутко, потому что вы не достаете даже до подбородка великана. А если вы попытаетесь влезть на лежащего плашмя богатыря, то почувствуете себя настоящим лилипутом, потому что взобраться на его живот – это же целая проблема. Зато потом можно свободно прогуливаться по телу и по лицу поверженного Голиафа и полежать на его носу длиной с хорошую кровать. Многие истуканы достигают десяти метров, а самый большой, еще не законченный, который лежит наискось на склоне, насчитывает двадцать два метра. Считая по три метра на этаж, этот каменный мужчина будет ростом с семиэтажный дом. Что и говорить – богатырь, настоящий горный тролль!

В кратере Рано-Рараку загадка острова Пасхи, можно сказать, чувствуется во всем, здесь самый воздух насыщен таинственностью. Сто пятьдесят безглазых лиц молча вас обзирают. Тайна глядит на вас пустыми глазницами стоящих истуканов, глядит с каждого карниза, из каждой пещеры, где лежат, точно в колыбели или на смертном ложе, неродившиеся и усопшие великаны, безжизненные и беспомощные, потому что их покинула творческая мысль и созидательная сила. Так было здесь, когда ваятели оставили работу, и так будет всегда. Чопорные, гордые, стоят с поджатыми губами самые старые идола, которых успели завершить, и всем своим видом говорят, что никакое долото, даже атомная энергия не заставят их раскрыть рот.

Но хотя рты великанов запечатаны семью печатями, о многом можно догадаться, когда ходишь по склонам горы среди тьмы незавершенных статуй. Куда бы мы ни залезли, где бы ни остановились, всюду нас, будто в комнате смеха, окружали огромные лица. Мы видели их анфас, в профиль, под всевозможными углами. Все они были поразительно схожи. У всех одно и то же стоическое выражение и необычно длинные уши. Мы перелезали через носы и подбородки, наступали на рты и громадные кулаки, а на полках вдоль склона над нами лежали еще и еще исполины. Научившись отличать искусственное от природного, мы убедились, что вся гора от самого подножия до кратерного гребня чуть не сплошь состоит из каменных тел и голов. На высоте ста пятидесяти метров над равниной лежали с незапамятных времен наполовину законченные гигантские фигуры, устремив взор на небо и парящих в нем коршунов. Но и тут не было конца полчищам истуканов, они спускались непрерывной чередой вниз по стене кратера в чрево вулкана. Вплоть до пышных зарослей зеленого камыша по периметру кратерного озера протянулась кавалькада чопорных, безмолвных каменных людей, стоящих и лежащих, завершенных и незавершенных, словно племя роботов, окаменевших от жажды в тщетных поисках живой воды.

Грандиозные работы, когда-то происходившие в кратере Рано-Рараку, всех поразили и потрясли. Одна лишь маленькая Аннете спокойно отнеслась к этой картине.

– Сколько куколок, – радостно сказала она, когда я снял ее с коня и опустил на землю у подножия вулкана.

Правда, когда мы подошли поближе, масштабы оказались слишком велики. Аннете пряталась за шею истуканов, не ведая, что над ней вздымается кверху каменная голова. Когда мама помогала маленькой девочке вскарабкаться на высокий уступ, та и не подозревала, что переместилась с верхней губы на нос лежащего великана.

А когда мы приступили к раскопкам, то удивились еще больше. Огромными казались каменные головы у подножия вулкана, а мы, зарываясь в землю, сперва откопали грудь, потом живот, руки, наконец бедра и соединяющиеся ниже живота длинные тонкие пальцы с огромными кривыми ногтями. В земле перед идиолом нам попадались человеческие кости и следы

кострищ. Знаменитые головы смотрелись совсем иначе вместе с телом и руками, чем в энциклопедиях и географических справочниках, где они выглядят отрубленными. Но как ни увлекало нас это зрелище, оно не давало ответа ни на одну из загадок острова Пасхи. Мы немало потрудились, чтобы перебросить веревку через самые высокие головы, и лишь самые ловкие из нас отваживались карабкаться по веревке вверх. Труднее всего последний кусок – от брови и выше. Тут веревка плотно прилегала ко лбу богатыря, и уцепиться за нее как следует было невозможно.

Да, непросто даже без груза влезть по канату на макушку стоящего исполина. Но еще труднее понять, как могли втащить наверх и водрузить на голову огромную «шляпу», если учесть, что «шляпа» тоже каменная и при объеме до шести кубических метров весила столько же, сколько два взрослых слона. Как поднять двух слонов на высоту четырехэтажного дома, если нет подъемного крана или хотя бы сподручного бугра поблизости? Допустим, на макушку взобралось несколько человек – разве втащат они следом этакую махину, тут дай бог самим удержаться! А все те, кого можно разместить у подножия статуи, будут подобны беспомощным лилипутикам, их руки достанут разве что до живота истукана, а ведь надо этот тяжеленный груз поднять выше груди, подбородка и всей головы, на самую макушку! Металла пасхальцы не знали, леса на острове практически не было.

Наши механики только пожимали плечами в недоумении. Мы чувствовали себя школьниками, которым задали непосильную задачку. Казалось, невидимые лунные жители радуются, сидя в своих норах, и поддразнивают нас: ну-ка, угадайте, как это было сделано?! Как мы спускали этих колоссов вниз по крутому склону и переносили через горы и долины туда, куда нужно?

Гадать было бесполезно. Прежде всего, надо хорошенько осмотреться кругом: может быть, загадочные искусники прошлого оставили какие-то следы, хоть маленький намек.

«Смотри в корень!» – говорят, и мы решили сначала изучить многочисленных незаконченных идолов на полках в самой каменоломне. Все подтверждало, что работа прекратилась внезапно: тысячи примитивных каменных рубил лежали на рабочих местах. И так как ваятели трудились одновременно над многими статуями, мы могли видеть все этапы. Сначала они в горной породе высекали лицевую часть, потом оба уха и руки с длинными пальцами, которые соединялись ниже живота. И наконец, они врубались в камень с боков, формируя спину. Она первоначально напоминала днище лодки с острым килем, соединяющим изваяние с горой. Полностью вытесав всю лицевую часть, ее тщательно обрабатывали и полировали, только не делали глаз под крутыми надбровными дугами. До поры до времени великан оставался незрячим. Потом скульпторы срубали «киль» под спиной, подпирая при этом богатыря камнями, чтобы не скатился с обрыва. По-видимому, ваятелям было безразлично, где и как вытесывать статую – на отвесной стене или на горизонтальной плоскости, головой кверху или книзу. Незаконченные исполины лежали как попало, словно на поле боя.

Отделив спину, начинали головоломный спуск по склону к подножию вулкана. Иной раз многотонных колоссов спускали по отвесным обрывам, через полки, на которых тоже шла работа над идолами. Немало истуканов побилось, но подавляющее большинство спустили целехонькими, правда, ног не хватало, ведь каждое изваяние заканчивалось плоским срезом там, где у человека начинаются ноги. Словом, длинный торс с руками.

Тысячи тонн осколков из мастерской перенесли ваятели к подножию вулкана, где выросли огромные осыпи и искусственные морены. В этих кучах рыли глубокие ямы и временно устанавливали богатырей. Только теперь можно было отделывать спину и шею исполина, а выше бедер спину украшали поясом с символическими изображениями. Этот узкий пояс был единственным одеянием нагих фигур, и все они, кроме одной, изображали мужчин.

Однако таинственное странствие каменных богатырей здесь не заканчивалось, после доделки спины они отправлялись к своим алтарям. Большинство пасхальских истуканов поки-

нули гору, и совсем немного осталось ждать своей очереди у подножия вулкана. Готовые богатыри разошлись во все концы острова, до пятнадцати километров от мастерской, в которой им придали облик человека.

Патер Себастиан был как бы директором этого музея под открытым небом. Он исходил лунное царство вдоль и поперек и пометил номерами все статуи, какие обнаружил, итого больше шестисот. Все они были высечены из одной породы, изваяны в огромной мастерской на крутом склоне Рано-Параку. Только здесь вы увидите характерный серо-желтый цвет, по которому затем издалека опознаете статую, где бы она ни валялась среди других каменных глыб.

Самое удивительное, что ваятели перемещали не глыбы камня, которым толчки нипочем, а полностью законченные фигуры, полированные от мочки уха до лунки ногтей. Не хватало только глазищ. Как ухитрялись они переносить готовых идолов в такую даль, ничего не повредив, не поцарапав полировки? Этого никто не знал.

Доставив слепых истуканов на место, их не опускали основанием в яму, чтобы поставить торчком, напротив – каждого идола поднимали и водружали на аху, каменный алтарь высотой около двух метров. Только теперь вытесывали глазницы, только теперь богатырь мог увидеть, где он очутился. И наконец, в довершение всего на голову исполина надевали «шляпу» весом от двух до десяти тонн, что как раз и равно весу двух слонов.

Впрочем, слово «шляпа» неверно, хоть так и повелось говорить. Старое пасхальское имя этого огромного головного убора – пукао, то есть «пучок волос», такую прическу носили многие местные мужчины, когда на Пасхи приплыли европейцы. Почему древние ваятели клали на макушку богатыря особый камень, изображающий пукао, а не высекали прическу сразу, вместе со всей статуей? Да потому что главным в этом пучке волос был цвет. Пасхальцы отправлялись в другой конец острова и за десять километров от каменоломни Рано-Параку в небольшом заросшем кратере добывали породу красного цвета. Именно этот красный цвет был им нужен для волос. И тащили они с одной стороны серо-желтые статуи, а с другой – красные пукао, чтобы водрузить их на каждом из пятидесяти с лишним алтарей, сооруженных вдоль побережья. На большинстве постаментов стояло по два идола, часто их было по четыре, пять, шесть, а на одной платформе, высотой четыре метра, выстроилось пятнадцать рыжеволосых богатырей.

Но сегодня ни один из великанов не стоит на своем алтаре. Уже капитан Кук, а по всей вероятности даже Рогтевен приплыли сюда слишком поздно, чтобы застать все статуи на первоначальных местах, но большинство идолов еще стояли с красными пукао на голове. В середине прошлого века последний великан был сброшен с алтаря, и красный «пучок волос», будто окровавленный паровой каток, прокатился по мощеной площадке. Теперь вы увидите стоящими только слепых, безволосых истуканов у подножия вулкана с вызывающе задранной кверху подбородком. Они ушли в землю так глубоко, что их никто не мог повалить, а попытка срубить одну голову топором кончилась неудачей, палач смог высечь лишь чуть заметную борозду в каменной шее великана.

Последнего идола свергли с аху примерно в 1840 году, во время стычки каннибалов, поселившихся в пещере по соседству. Десятиметровую фигуру венчал пукао объемом в шесть кубических метров, а сама она стояла на каменной стене почти в рост человека. Мы измерили поверженного богатыря и определили его вес – пятьдесят тонн. Такую махину притащили сюда за четыре километра от Рано-Параку. Представим себе, что мы опрокинули вверх колесами десятитонный железнодорожный вагон, ведь в Полинезии не знали колеса. Рядом с первым точно так же поместим второй вагон. Потом загоним в эти вагоны двенадцать коней и пять рослых слонов. Вместе это будет пятьдесят тонн, и можно тянуть, но мало сдвинуть груз с места, мы должны протащить его по камням на четыре километра, да так, чтобы ничего не повредить. Без машин, скажете вы, невозможно! Значит, исконные обитатели острова Пасхи совершили невозможное. Во всяком случае ясно, что это сделано не кучкой полинезийцев, любителей резьбы по дереву, которые, высадившись на остров, принялись долбить гору, потому что

дерева не нашлось. Нет, рыжеволосые богатыри классического типа изваяны мореходами из страны, народ которой издавна привык работать с тяжелыми монолитами.

Итак, наш пятидесятитонный груз доставлен. Теперь его надо поднять на каменную стену и поставить прямо да еще увенчать голову на высоте четырехэтажного дома «начесом». Этот «начес» один весит десять тонн, а доставлен он из каменоломни за одиннадцать километров, считая напрямик. Одиннадцать километров – изрядный путь по такой местности, и десять метров по любой мерке – внушительная высота, если надо поднять десять тонн – вес двадцати четырех добрых коней.

Но люди справились с этим. А в 1840 году каннибалы все разрушили, расштатав кладку постамента, и в ознаменование сего подвига съели в пещере три десятка соседей.

Стоя на гребне кратера Рано-Рараку, я любовался чудесной панорамой острова. Позади меня довольно крутой склон уходил в заросшее чрево вулкана, где небесно-голубое кратерное озеро блестело как зеркало, окаймленное широкой полосой небывало зеленого камыша. Возможно, камыш казался особенно зеленым рядом с пожухлой от засухи травой на косогорах. Прямо передо мной исчерченная полками стена мастерской спадала к площадке у подножия горы, где наши люди сутились, словно муравьи, роясь в коричневой земле вокруг истуканов. Стреноженные кони выглядели совсем маленькими перед могучими каменными богатырями. Мне хорошо было видно то, что можно назвать центром и фокусом загадки, прежде всего привлекающей внимание тех, кто попадает на остров Пасхи. Вот он, родильный дом истуканов; я стоял на громадном зародыше, а сколько их лежало на склонах кратера впереди и позади меня. На откосах у подножия как снаружи, так и внутри выстроились безволосые и незрячие новорожденные, напрасно ожидая, когда настанет их черед отправляться в путь. С гребня я видел дороги, по которым некогда перемещались статуи. Несколько готовых идолов уже приготовились выходить из кратера, когда все работы внезапно были прекращены. Один из них успел добраться до гребня, другой даже перевалил в ложбину на наружном склоне. Но транспорт прервался, и они остались лежать, причем не на спине, а на животе. Вдоль расходящихся от кратера поросших травой древних дорог, расчищенных от камня, тут и там лежали по одной, по две, по три другие статуи. Тоже незрячие и безволосые, и было очевидно, что их не свергли с какого-либо пьедестала, а просто бросили по пути от Рано-Рараку к соответствующему алтарю. Некоторые ушли довольно далеко от торчащих на горизонте конусов. А вон там, на западе, отсюда и не видно, находится маленький кратер Пуна Пау, где ломали камень для пукао. Я уже спускался в него и на дне под крутыми стенками осмотрел с полдюжины цилиндрических «начесов», похожих на колесо парового катка. Древние мастера причесок переправили через обрывистый склон изрядное количество огромных глыб, и теперь они валялись в беспорядке под горой, дожидаясь, когда их поволокут дальше. Другие были брошены на пути к своим хозяевам, мы встречали их тут и там в степи. Я измерил самый большой пукао, извлеченный из кратера. В нем было больше восемнадцати кубических метров, он весил тридцать тонн – столько же, сколько семьдесят пять крупных лошадей.

Размах всех этих работ был так грандиозен, что не укладывался в моей голове. И я повернулся к пастуху, который стоял рядом со мной, молча глядя на кинутых вдоль дорог великанов.

– Леонардо, – сказал я, – ты человек деловой, скажи мне, как в старое время перетаскивали этих каменных богатырей?

– Они шли сами, – ответил Леонардо.

Не будь это сказано так торжественно и серьезно, я решил бы, что он шутит, ведь этот пастух в чистых брюках и рубаше был на вид такой же цивилизованный человек, как мы, а умом даже многих превосходил.

– Постой, Леонардо, – возразил я, – как же они могли ходить, если у них только туловище и голова, а ног нет?

– Они шли вот так, – держа ноги вместе, не сгибая колен, Леонардо продвинулся немного вперед по скале, потом снисходительно спросил меня: – А ты как думал?

Я не нашелся, что ответить. И многие до меня тоже зашли в тупик. Ничего удивительного, что Леонардо полагался на бесхитростное объяснение своего отца и деда. Статуи шли сами. Зачем ломать себе голову, когда есть простой и ясный ответ.

Вернувшись в лагерь, я прошел на кухню, где Мариана в это время чистила картофель.

– Ты когда-нибудь слышала, как в старину перемещали больших моаи? – спросил я.

– Си, сеньор, – твердо ответила она. – Они шли сами.

И Мариана принялась рассказывать длинную историю о древней колдунье, жившей около Рано-Рараку в ту пору, когда каменотесы высекали огромных истуканов. Эта колдунья своим волшебством оживляла каменных великанов и заставляла их идти, куда надо. Но однажды ваятели съели большого омара, а ведьму угостить забыли, она нашла пустой панцирь и так рассердилась, что заставила все статуи упасть ничком на землю, и с тех самых пор они лежат недвижимо.

Точно такую же историю про ведьму и омара поведали пасхальцы Рутледж пятьдесят лет назад. И теперь я с удивлением обнаружил, что, кого ни спроси, каждый по-прежнему держится за эту версию. Пока им не предложат более убедительного объяснения, они хоть до судного дня будут толковать про колдунью и омара.

Вообще-то островитян нельзя было назвать наивными. Правила не правила, а у них всегда находился какой-нибудь хитрый предлог, чтобы выбраться за пределы деревни и явиться к нам в лагерь со своими поделками. Почти все владели искусством резьбы по дереву, многие были истинными мастерами, но лучше всех работал бургомистр. Все спрашивали его изделия, потому что, хотя островитяне вырезали одно и то же, никто не мог сравниться с ним в изяществе линий и совершенстве отделки. Участники экспедиции завалили его заказами, только поспевай делать. В обмен за фигуры охотнее всего брали американские сигареты, норвежские рыболовные крючки и пестрые английские ткани. Пасхальцы были занятыми курильщиками. Те, кто в первую ночь побывал у нас на борту и выменял несколько пачек сигарет, не выкурили их сами. Они помчались галопом в деревню и стали ходить из дома в дом, поднимая с постели друзей и родню, чтобы каждый получил по сигарете. Запас, полученный с последним военным кораблем, израсходовали несколько месяцев назад.

Среди тонких деревянных поделок попадались иногда каменные фигурки похуже: то наивные маленькие подобию больших идолов, то грубые головы, с едва намеченными глазами и носом. Первое время владельцы пытались нам внушить, будто это старинные предметы, дескать, нашли в земле или в алтарях. Но мы только смеялись, и чаще всего они били отбой, лишь некоторые упорно стояли на своем.

Однажды в лагерь прискакала женщина и вызвала меня, мол, обнаружила в каменной осыпи что-то странное. Когда мы добрались до места, она осторожно принялась разбирать камни, и я разглядел маленькую свежеизготовленную копию знаменитых истуканов.

– Оставь ее, – сказал я женщине. – Она совсем новая, кто-то ее нарочно подложил, чтобы обмануть тебя!

Женщина заметно смутилась, и ни она, ни ее муж больше не пытались нас надуть.

В другой раз поздно вечером примчался запыхавшийся мужчина с потрясающей новостью: ловя рыбу при свете факела, он нашел в песке на берегу маленькую статуэтку. Если мы ее хотим получить, он сейчас же нас туда проводит, хоть и плохо видно, а то ему надо спешить в деревню. Рыболов был явно озадачен, когда мы, подъехав на джипе, осветили фарами место находки. На траве лежала скверно сделанная фигурка, и даже песок, в котором ее вывалили, не мог скрыть, что она совсем новая. Под общий смех владелец упрятал свое уродливое изделие в мешок и потащил обратно в деревню. Ничего, сбудет какому-нибудь матросу, когда придет военный корабль...

Другую уловку применил пасхалец, который привел меня в грот с колодцами и странными барельефами на своде. Барельефы, изображавшие птичеловеков и огромные глаза, были подлинными и очень мне понравились. Пока я их разглядывал, мой проводник с невинным видом забавлялся, роняя в воду комья земли. Вдруг он вскрикнул, я посмотрел вниз и увидел, как земляной ком медленно распадается в воде. Будто цыпленок из яйца, из него выпулилась малюсенькая куколка. Это было так неожиданно и потешно, что я расхохотался, хотя незадачливый плут не заслужил такой бурной реакции. И этот пасхалец тоже больше не пытался нас провести.

Правда, стремясь получить товары, которые мы привезли для обмена, пасхальцы иногда и впрямь отыскивали старинные вещи. Как-то раз за мной пришли молодые супруги – они нашли четыре необычные каменные головы. Как ни странно, головы лежали совсем близко от ограды, к востоку от губернаторской усадьбы. Когда мы туда прибыли, нас встретили какая-то старуха и ее дочь, истая ведьма, которая, казалось, готова была выцарапать нам глаза. Они были вне себя от ярости и сыпали ругательствами с такой скоростью, какую только полинезийский язык допускает. Когда наши проводники пытались вставить слово, на них обрушивался залп брани. Мы с кинооператором решили присесть, обождать, пока извержение кончится. Наконец бабка чуть поостыла.

– Сеньор Кон-Тики, – сказала она. – Эти двое – воры и мошенники. Камни мои, их никто не смеет трогать! Я из рода Хоту Матуа, эта земля исстари нам принадлежит.

– Теперь не принадлежит! – перебил ее молодой пасхалец. – Теперь это пастбище военно-морского флота. А камни наши, мы первыми их нашли!

Старуха опять вспылила.

– Первыми нашли? Да как у вас язык поворачивается, воровское отродье! Эти камни принадлежат нашему роду, бандиты вы этакие!

Пока они с пеной у рта оспаривали друг у друга право собственности, я по их жестам понял, наконец, где находятся камни, о которых идет речь. Старуха и ее дочь сидели каждая на одном из них, я – на третьем, а молодые супруги стояли возле четвертого. С виду это были обыкновенные валуны. И вспомнил я мудрого Соломона, как он, взяв меч, вызвался поделить ребенка между двумя женщинами, каждая из которых называла себя матерью. Здесь можно было бы решить спор кувалдой. Молодые, наверно, с радостью поддержали бы меня, зато старуха окончательно взбесилась бы.

– Дай нам только посмотреть на твои камни, мы с ними ничего не сделаем, – предложил я бабке.

Она промолчала, но не стала нам мешать, и мы перевернули валуны нижней стороной кверху. Четыре причудливые рожи с незрячими круглыми глазищами величиной с блюдце воззрились на небо. Ни капли сходства с классическими пасхальскими истуканами; скорее похоже на устрашающих круглоголовых идолов Маркизских островов. Владелицы камней смотрели на нас в полном отчаянии. Молодые супруги откровенно торжествовали, предвкушая выгодную сделку. Обе стороны напряженно следили за нами. Мы закатали камни на место, повернув их лицом вниз, поблагодарили и ушли восвояси. Наши проводники стояли, разинув рты от удивления. А старуха, как мы потом убедились, крепко запомнила этот случай.

Тем временем произошло другое событие, которое заставило основательно поломать голову. Когда в Южные моря пришли европейцы, ни на острове Пасхи, ни в остальной Полинезии не знали гончарства. Это довольно странно, потому что гончарное дело было важной чертой древних культур Южной Америки, а народы Индонезии и Азии знали его еще раньше. На Галапагосских островах мы нашли множество черепков от южноамериканских изделий: во-первых, архипелаг лежит достаточно близко к материку, и его не раз посещали древние морепроходцы; во-вторых, почвенный слой здесь настолько скуден, что он не мог скрыть следов старины. Совсем иначе было на острове Пасхи. Вряд ли древние жители Южной Америки часто

добирались сюда со своими кувшинами, и то небольшое, что они могли здесь разбить, давно исчезло под дерном. Тем не менее я привез с собой один черепок, чтобы выяснить у островитян, не видали ли они что-нибудь похожее. Ведь такой черепок может рассказать детективу об археологии больше иной книги.

И вот первый сюрприз: несколько стариков, которых мы опросили порознь, называли черепок маенго, этого слова не было в словаре патера Себастиана. Один из них слышал от своего деда, что маенго – это такая вещь, которой в старину пользовались на острове. По словам стариков, много лет назад один пасхалец попытался сделать из глины маенго, но что-то у него не получилось. Эрория и Мариана припомнили, что им в какой-то пещере как будто попадались такие черепки, и дня два потратили на поиски этой пещеры, но впустую. Черепки находила и жена губернатора, копаясь у себя в саду. И наконец, один пасхалец по секрету сказал нам, что у него есть дома такой черепок.

Прошло несколько дней, прежде чем этот пасхалец – его звали Андрес Хаоа – смог принести свой черепок. С удивлением мы увидели, что сосуд был вылеплен пальцами на индейский лад, а не изготовлен на гончарном круге, как это делали европейцы. Я посулил Андресу щедрое вознаграждение, если он покажет, где подобрал черепок, чтобы мы могли отыскать там еще черепки и тем самым подтвердить достоверность находки. Хаоа привел нас к большому аху с поваленными статуями. Могучая каменная стена сильно напоминала классические инкские сооружения в Андах. Показав на кладку в верхней части платформы, Андрес сказал, что много лет назад нашел здесь между камнями три черепка. Рабочие-пасхальцы помогли нам осторожно снять несколько плит. Нашим глазам предстало необычное для Пасхи погребение: два целых скелета лежали навтыжку рядом. Подле них оказался ход в две камеры, накрытые каждая своей очень тщательно вытесанной плитой. В обеих камерах беспорядочно валялись старые черепа. Но глиняных черепков не было, и Андрес получил только часть обещанного вознаграждения.

На другой день Карл отправился туда с рабочими и археологическим снаряжением, потому что Аху Тепеу явно заслуживала того, чтобы ее тщательно изучить. Неожиданно один рабочий, старик, нагнулся и стал собирать черепки, да такие крохотные, что мы поражались, как он их заметил, и ведь больше никому ничего такого не попало. В это время из деревни прискакали Арне и Гонсало. Одна местная жительница рассказала им, что Андрес Хаоа дал старику черепки, чтобы тот помог ему получить все вознаграждение. Приложив осколки к черепку, который мне накануне дал Хаоа, мы тотчас убедились, что один из них точно подходит к излому. Андрес пришел в бешенство, когда узнал, что его разоблачили, и наотрез отказался говорить, где на самом деле нашел свой черепок. Назло нам он отправился к патеру Себастиану и ошеломил старика, поставив перед ним на стол три целых глиняных кувшина.

– Вот, посмотрите, – возмущенно сказал Хаоа, – я их не покажу сеньору Кон-Тики, потому что он говорит, что я вру. А вот и не вру!

Патер Себастиан, который никогда не видел на Пасхи таких кувшинов, спросил Андреса, откуда он их взял.

– Мой отец нашел их когда-то в пещере и сказал, что в них удобно воду держать, – ответил Хаоа.

Опять ложь! Хаоа не держал воды в кувшинах, вообще не хранил их дома, об этом мы узнали от соседей, которые частенько навевались в его скромный домишко и знали там каждый уголок.

Сразу после того, как патер Себастиан увидел загадочные кувшины, они бесследно исчезли. Стало одной загадкой больше. Сосуды не вернулись в хижину Хаоа, так откуда же они взялись, и вообще – что происходит?

А тут еще добавилась новая проблема. Я решил по совету старика полицейского Касими́ро отправиться на легендарный остров птичеловеков, поискать тайное хранилище ронго-

ронго, о котором знал его отец. Пасхальцы с таким жаром толковали о дощечках с письменами ронго-ронго, будто бы по сей день хранящихся в «запечатанных» пещерах, что любой приезжий в конце концов заражался любопытством.

– Нам предлагали сто тысяч песо за одну дощечку, – говорили островитяне, – значит, настоящая цена им не меньше миллиона.

В глубине души я знал, что они правы. Но я знал также, что если кто-нибудь из них и найдет хранилище ронго-ронго, он вряд ли отважится туда войти. Ведь дощечки были для их предков святыней, и старые мудрецы, которые спрятали свои священные ронго-ронго в подземелье, когда патер Эухенио ввел на острове христианство, прочли заклинания и наложили табу на дощечки с письменами.

Пасхальцы твердо верили, что всякого, кто к ним прикоснется, ждет смерть.

В музеях мира хранится не больше двух десятков таких дощечек, и до сих пор еще ни один ученый не сумел расшифровать надписи. Замысловатые письмена острова Пасхи похожи на письмо других народов. На дощечках они искусно вырезаны в ряд и образуют своеобразный серпантин, причем каждый второй ряд стоит вверх ногами. Почти все хранящиеся в музеях ронго-ронго получены на острове давно, прямо из рук владельцев. Но последнюю дощечку, рассказал нам патер Себастиан, нашли в запретной пещере. Пасхалец, который ее обнаружил, поддался уговорам одного англичанина и привел его почти к самому тайнику. Потом попросил англичанина подождать и выложил из камешков полукруг, через который не велел переступать. А сам пошел дальше и через некоторое время вернулся с ронго-ронго. Англичанин купил дощечку, но пасхалец вскоре лишился рассудка и умер. С тех пор, заключил патер Себастиан, островитяне больше прежнего боятся входить в хранилища ронго-ронго.

Как бы то ни было, старик Касимио забил отбой, когда я, наконец, принял его приглашение посетить пещеру. Сославшись на нездоровье, он предложил вместо себя другого проводника, старика Пакомио, с которым много лет назад стоял и ждал, пока отец Касимио один ходил к тайнику. Пакомио был сыном гадалки Ангаты, той самой Ангаты, что сеяла смуту, играя на суеверии пасхальцев, когда на остров полвека назад прибыла экспедиция Рутледж. Я обратился к патеру Себастиану, и он сумел уговорить Пакомио. Посадив старика в нашу моторную лодку, мы подошли на ней к Моту-Нуи – скалистому островку птичеловеков. За спиной у нас вздымался вверх самый высокий из береговых обрывов Пасхи. На гребне находились развалины святилища Оронго. Там Эд и его бригада занимались раскопками и картографической съемкой. Мы с трудом различали движущиеся белые точки, а им наша лодка представлялась рисовым зернышком на синем поле. Еще в прошлом столетии наиболее знатные пасхальцы неделями сидели в наполовину врытых в землю каменных коробках над обрывом, ожидая, когда на скалистом островке внизу приземлится первая в году стайка морских ласточек. Ежегодно происходило состязание, кто скорее одолеет на камышовом поплавке два километра до острова и найдет первое яйцо. Победитель возводился в ранг божества и получал звание птичеловека. Его брили наголо, окрашивали голову в красный цвет и затем торжественно сопровождали до священной обители среди статуй у подножия Рано-Рараку, где он год проводил взаперти, ни с кем не соприкасаясь. Особые служители приносили ему пищу. Скалы за развалинами, где сейчас работал Эд, были сплошь покрыты барельефами, изображающими скорченные человеческие фигуры с длинным кривым клювом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.